

*conjectetur adipsos
bibendum sed nec ut conuincatur*

*Tuque vitas ut ait aniet orcu
pellentesque tempus. Pellentesque
semper ornare conque. Interper
clenantum pharetra coarctet.
Interper lectus iusto, pharetrae
clenantum auctor ept, eusmo
vitas missa. Sed mi felix, phar*

ГЕНИАЛЬНОСТЬ

И ПОМЕЩАТЕЛЬСТВО

*ac matlis sed, ornare et
lacinia suscepit. Donec
egestas ac eusmat vitas
vitas resus. Ut conuincatur
aniet purus pretium, ept co
lun maximas. Donec ante
ac tuque ex,*

Тайны науки (АСТ)

Чезаре Ломброзо

**Гениальность и
помешательство**

«АСТ»

1863

УДК 159.9
ББК 88.37

Ломброзо Ч.

Гениальность и помешательство / Ч. Ломброзо — «АСТ»,
1863 — (Тайны науки (АСТ))

ISBN 978-5-17-104169-4

Научный метод итальянского психиатра и новатора криминалистики Чезаре Ломброзо не нашел поддержки у современных ученых, однако проблема гениев и безумцев актуальности не утратила. Как современник множества выдающихся личностей – художников и писателей, ученых и правителей, – Ломброзо излагает оригинальный взгляд на окружавшую его интеллектуальную среду и предлагает множество смелых гипотез, подкрепляя каждую вполне достоверными фактами. Как историк, автор представляет кропотливо подобранные доказательства из биографий тех знаменитостей, с кем разминулся во времени. Эта книга – приглашение к диахроническому спору о природе гения.

УДК 159.9
ББК 88.37

ISBN 978-5-17-104169-4

© Ломброзо Ч., 1863
© АСТ, 1863

Содержание

Предисловие автора к четвертому изданию	7
Глава I. Введение в исторический обзор	8
Глава II. Сходство гениальных людей с помешанными в физиологическом отношении	10
Глава III. Влияние атмосферных явлений на гениальных людей и на помешанных	21
Глава IV. Влияние метеорологических явлений на рождение гениальных людей	33
Глава V. Влияние расы и наследственности на гениальность и помешательство	36
Глава VI. Гениальные люди, страдавшие умопомешательством: Гаррингтон, Болиан, Кодаци, Ампер, Кент, Шуман, Тассо, Кардано, Свифт, Ньютон, Руссо, Ленау, Сечени, Шопенгауэр	45
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Чезаре Ломброзо

Гениальность и помешательство

© ООО «Издательство АСТ»

* * *

Чезаре Ломброзо (1835–1909)

Предисловие автора к четвертому изданию

Когда, много лет тому назад, находясь как бы под влиянием экстаза (*raptus*), во время которого мне точно в зеркале с полной очевидностью представлялись соотношения между гениальностью и помешательством, я в 12 дней написал первые главы этой книги¹. Признаюсь, даже мне самому не было ясно, к каким серьезным практическим выводам может привести созданная мною теория. Я не ожидал, что она даст ключ к уразумению таинственной сущности гения и к объяснению тех странных религиозных маний, которые являлись иногда ядром великих исторических событий, что она поможет установить новую точку зрения для оценки художественного творчества гениев путем сравнения произведений их в области искусства и литературы с такими же произведениями помешанных и, наконец, что она окажет громадные услуги судебной медицине.

В таком важном практическом значении новой теории убедили меня мало-помалу как документальные работы Адриани, Паоли, Фриджеро, Максима Дюкана, Рива и Верга относительно развития артистических дарований у помешанных, так и громкие процессы последнего времени – Манжионе, Пассананте, Лазаретти, Гито, доказавшие всем, что мания писательства не есть только своего рода психиатрический курьез, но прямо особая форма душевной болезни и что одержимые ею субъекты, кажущиеся совершенно нормальными, являются тем более опасными членами общества, что сразу в них трудно заметить психическое расстройство, а между тем они бывают способны на крайний фанатизм и, подобно религиозным маньякам, могут вызывать даже исторические перевороты в жизни народов. Вот почему заняться вновь рассмотрением прежней темы на основании новейших данных и в более широком объеме показалось мне делом чрезвычайно полезным. Не скрою, что я считаю его даже и смелым, ввиду того ожесточения, с каким риторы науки и политики, с легкостью газетных борзописцев и в интересах той или другой партии, стараются осмеять людей, доказывающих вопреки бредням метафизиков, но с научными данными в руках полную невменяемость, вследствие душевной болезни, некоторых из так называемых преступников и психическое расстройство многих лиц, считавшихся до сих пор, по общепринятому мнению, совершенно здравомыслящими. На язвительные насмешки и мелочные придирки наших противников мы, по примеру того оригинала, который для убеждения людей, отрицавших движение, двигался в их присутствии, ответим лишь тем, что будем собирать новые факты и новые доказательства в пользу нашей теории. Что может быть убедительнее фактов и кто станет отрицать их? Разве одни только невежды, но торжеству их скоро наступит конец.

*Проф. Ч. Ломброзо
Турин, 1 января 1882 г.*

---

¹ Гениальность и помешательство. Введение к курсу психиатрической клиники, прочитанному в Павианском университете. Милан, 1863.

Глава I. Введение в исторический обзор

В высшей степени печальна наша обязанность – с помощью неумолимого анализа разрушать и уничтожать одну за другой те светлые, радужные иллюзии, которыми обманывает и возвеличивает себя человек в своем высокомерном ничтожестве; тем более печальна, что взамен этих приятных заблуждений, этих кумиров, так долго служивших предметом обожания, мы ничего не можем предложить ему, кроме холодной улыбки сострадания. Но служитель истины должен неизбежным образом подчиняться ее законам. Так, в силу роковой необходимости он приходит к убеждению, что любовь есть, в сущности, не что иное, как взаимное влечение тычинок и пестиков... а мысли – простое движение молекул. Даже гениальность – эта единственная державная власть, принадлежащая человеку, пред которой не краснея можно преклонить колена, – даже ее многие психиатры поставили на одном уровне с склонностью к преступлениям, даже в ней они видят только одну из тератологических (уродливых) форм человеческого ума, одну из разновидностей сумасшествия. И заметьте, что подобную профанацию, подобное кощунство позволяют себе не одни лишь врачи и не исключительно только в наше скептическое время.

Еще Аристотель, этот великий родоначальник и учитель всех философов, заметил, что под влиянием приливов крови к голове «многие индивидуумы делаются поэтами, пророками или прорицателями и что Марк Сиракузский писал довольно хорошие стихи, пока был маньяком, но, выздоровев, совершенно утратил эту способность».

Он же говорит в другом месте: «Замечено, что знаменитые поэты, политики и художники были частью меланхолики и помешанные, частью – мизантропы, как Беллерофонт. Даже и в настоящее время мы видим то же самое в Сократе, Эмпедокле, Платоне и других, и всего сильнее в поэтах. Люди с холодной, изобильной кровью (букв. желчь) бывают робки и ограничены, а люди с горячей кровью – подвижны, остроумны и болтливы».

Платон утверждает, что «бред совсем не есть болезнь, а, напротив, величайшее из благ, даруемых нам богами; под влиянием бреда дельфийские и додонские прорицательницы оказали тысячи услуг гражданам Греции, тогда как в обыкновенном состоянии они приносили мало пользы или же совсем оказывались бесполезными. Много раз случалось, что когда боги посылали народам эпидемии, то кто-нибудь из смертных впадал в священный бред и, делаясь под влиянием его пророком, указывал лекарство против этих болезней. Особый род бреда, возбуждаемого музами, вызывает в простой и непорочной душе человека способность выражать в прекрасной поэтической форме подвиги героев, что содействует просвещению будущих поколений».

Демокрит даже прямо говорил, что не считает истинным поэтом человека, находящегося в здравом уме. *Excludit sanos, Helicone poetas*.

Вследствие подобных взглядов на безумие древние народы относились к помешанным с большим почтением, считая их вдохновенными свыше, что подтверждается, кроме исторических фактов, еще и тем, что слова *mania* – по-гречески, *navi* и *mesugan* – по-еврейски, *a nigrata* – по-санскритски означают и сумасшествие, и пророчество.

Феликс Платер утверждает, что знал многих людей, которые, отличаясь замечательным талантом в разных искусствах, в то же время были помешанными.

Помешательство их выражалось нелепой страстью к похвалам, а также странными и неприличными поступками. Между прочим, Платер встретил при дворе пользовавшихся большой славой архитектора, скульптора и музыканта, несомненно сумасшедших. Еще более выдающиеся факты собраны Ф. Газони в Италии, в «Больнице для неизлечимых душевнобольных». Сочинение его переведено (на итальянский язык) Лонгоалем в 1620 году. Из более близких к нам писателей Паскаль постоянно говорил, что величайшая гениаль-

ность граничит с полнейшим сумасшествием, и впоследствии доказал это на собственном примере. То же самое подтвердил и Гекарт (*Hecart*) относительно своих товарищей, ученых и в то же время помешанных, подобно ему самому.

Наблюдения свои он издал в 1823 году под названием: «Стултициана, или Краткая библиография сумасшедших, находящихся в Валенсьене, составленная помешанным». Тем же предметом занимались Дельньер, страстный библиограф, в своей интересной *Histoire littéraire des fous* (1860), Форг – в прекрасном очерке, помещенном в *Revue de Paris* (1826), и неизвестный автор в «Очерках Бедлама» (*Sketches in Bedlam*. Лондон, 1873).

За последнее время Лелю – в *Démon de Socrate* (1856), и в *Amulet de Pascal* (1846), Верга – в *Lipemania del Tasso* (1850), и Ломброзо в *Pazzia di Cardano* (1856), доказали, что многие гениальные люди, например Свифт, Лютер, Кардано, Бругам и другие, страдали умопомешательством, галлюцинациями или были мономанами в продолжение долгого времени. Моро, с особенной любовью останавливающийся на фактах наименее правдоподобных, в своем последнем сочинении *Psychologia morbide* и Шиллинг в своих *Psychiatrische Briefe* 1863 года, пытались доказать при помощи тщательных, хотя и не всегда строго научных исследований, что гений есть, во всяком случае, нечто вроде нервной ненормальности, нередко переходящей в настоящее сумасшествие. Подобные же выводы, приблизительно, сделаны Гагеном в его статье «О сродстве между гениальностью и безумием» (*Über die Verwandtschaft Genies und Irresein*. Berlin. 1877) и отчасти также Юргеном Мейером (*Jurgen Meyer*) в его прекрасной монографии «Гений и талант».

Оба ученых, пытавшихся более точно установить физиологию гения, пришли путем самого тщательного анализа фактов к тем же заключениям, какие высказал более ста лет тому назад, скорее на основании опыта, чем строгих наблюдений, один итальянский иезуит, Беттинелли, в своей теперь уже совершенно забытой книге *Dell'entusiasmo nelle belle arti* (Милан, 1769).

Глава II. Сходство гениальных людей с помешанными в физиологическом отношении

Как ни жесток и печален такого рода парадокс, но, рассматривая его с научной точки зрения, мы найдем, что в некоторых отношениях он вполне основателен, хотя с первого взгляда и кажется нелепым.

Многие из великих мыслителей подвержены, подобно помешанным, судорожным сокращениям мускулов и отличаются резкими, так называемыми хореическими, телодвижениями. Так, о Ленау и Монтескье рассказывают, что на полу у столов, где они занимались, можно было заметить углубления от постоянного подергивания их ног. Бюффон, погруженный в свои размышления, забрался однажды на колокольню и спустился оттуда по веревке совершенно бессознательно, как будто в припадке сомнамбулизма. Сантейль, Кребийон, Ломбардини имели странную мимику, похожую на гримасы. Наполеон страдал постоянным подергиванием правого плеча и губ, а во время припадков гнева – также и икр. «Я, вероятно, был очень рассержен, – сознавался он сам однажды после горячего спора с Лоу, – потому что чувствовал дрожание моих икр, чего со мной давно уже не случалось». Петр Великий был подвержен подергиваниям лицевых мускулов, ужасно искажавших его лицо.

«Лицо Кардуччи, – говорит Мантегацца, – по временам напоминает собою ураган: из глаз его сыплются молнии, а дрожание мускулов походит на землетрясение».

Ампер не мог иначе говорить, как ходя и шевеля всеми членами. Известно, что обычный состав мочи и в особенности содержание в ней мочевины заметно изменяется после маниакальных приступов. То же самое замечается и после усиленных умственных занятий. Уже много лет тому назад Гольдинг Берд сделал наблюдение, что у одного английского проповедника, всю неделю проводившего в праздности и только по воскресеньям с большим жаром произносившего проповеди, именно в этот день значительно увеличивалось в моче содержание фосфорнокислых солей, тогда как в другие дни оно было крайне ничтожно.

Впоследствии Смит многими наблюдениями подтвердил тот факт, что при всяком умственном напряжении увеличивается количество мочевины в моче, и в этом отношении аналогия между гениальностью и сумасшествием представляется несомненной.

На основании такого ненормального изобилия мочевины или, скорее, на основании этого нового подтверждения закона о равновесии между силой и материей, управляющего всем миром живых существ, можно вывести еще и другие, более изумительные аналогии: например, седина и облысение, худоба тела, а также плохая мускульная и половая деятельность, свойственные всем помешанным, очень часто встречаются и у великих мыслителей. Цезарь боялся бледных и худых Кассиев. Д'Аламбер, Фенелон, Наполеон были в молодости худы как скелеты. О Вольтере Сегюр пишет: «Худоба доказывает, как много он работает; изможденное и согбенное тело его служит только легкой, почти прозрачной оболочкой, сквозь которую как будто видишь душу и гений этого человека».

Бледность всегда считалась принадлежностью и даже украшением великих людей. Кроме того, мыслителям наравне с помешанными свойственны: постоянное переполнение мозга кровью (гиперемия), сильный жар в голове и охлаждение конечностей, склонность к острым болезням мозга и слабая чувствительность к голоду и холоду.

О гениальных людях, точно так же, как и о сумасшедших, можно сказать, что они всю жизнь остаются одинокими, холодными, равнодушными к обязанностям семьянина и члена общества. Микеланджело постоянно твердил, что его *искусство заменяет ему жену*. Гёте, Гейне, Байрон, Челлини, Наполеон, Ньютон, хотя и не говорили этого, но своими поступками доказывали еще нечто худшее. Нередки случаи, когда вследствие тех же причин, которые

так часто вызывают сумасшествие, т. е. вследствие болезней и повреждений головы, самые обыкновенные люди превращаются в гениальных. Вико в детстве упал с высочайшей лестницы и раздробил себе правую теменную кость. Гратри, вначале плохой певец, сделался знаменитым артистом после сильного ушиба головы бревном. Мабильон, смолоду совершенно слабоумный, достиг известности своими талантами, которые развились в нем вследствие полученной им раны в голову.

Галль, сообщивший этот факт, знал одного датчанина-полуидиота, умственные способности которого сделались блестящими после того, как он, тринадцати лет, свалился с лестницы головою вниз². Несколько лет тому назад один кретин из Савойи, укушенный бешеной собакой, сделался совершенно разумным человеком в последние дни своей жизни. Доктор Галле знал ограниченных людей, умственные способности которых необыкновенно развились вследствие болезней мозга (*midollo*).

«Очень может быть, что моя болезнь (болезнь спинного мозга) придала моим последним произведениям какой-то ненормальный оттенок», – говорит с удивительной прозорливостью Гейне в одном из своих писем. Нужно, впрочем, прибавить, что болезнь отразилась таким образом не только на его последних произведениях, и он сам сознавал это. Еще за несколько месяцев до усиления своей болезни Гейне писал о себе (*Correspondance inédite. Paris, 1877*): «Мое умственное возбуждение есть скорее результат болезни, чем гениальности – чтоб хотя немного утишить мои страдания, я сочинял стихи. В эти ужасные ночи, обезумев от боли, бедная голова моя мечется из стороны в сторону и заставляет звенеть с жестокой веселостью бубенчики изношенного дурацкого колпака».

Биша и фон дер Колюк заметили, что у людей с искривленной шеей ум бывает живее, чем у людей обыкновенных. У Конолли был один больной, умственные способности которого возбуждались во время операций над ним, и несколько таких больных, которые проявляли особенную даровитость в первые периоды чахотки и подагры. Всем известно, каким остроумием и хитростью отличаются горбатые; Рокитанский пытался даже объяснить это тем, что у них аорта, дав сосуды, идущие к голове, делает изгиб, вследствие чего является расширение объема сердца и увеличение артериального давления в черепе.

Этой зависимостью гения от патологических изменений отчасти можно объяснить любопытную особенность гениальности по сравнению с талантом, в том отношении, что она является чем-то бессознательным и проявляется совершенно неожиданно.

Юрген Мейер говорит, что талантливый человек действует строго обдуманно; он знает, как и почему он пришел к известной теории, тогда как гению это совершенно неизвестно: всякая творческая деятельность бессознательна.

Гайдн приписывал таинственному дару, ниспосланному свыше, создание своей знаменитой оратории «Сотворение мира». «Когда работа моя плохо подвигалась вперед, – говорил он, – я, с четками в руках, удалялся в молельню, прочитывал Богородицу – и вдохновение снова возвращалось ко мне».

Итальянская поэтесса Милли во время создания, почти невольного, своих чудных стихотворений волнуется, кричит, поет, бежит взад и вперед и как будто находится в припадке эпилепсии.

Те из гениальных людей, которые наблюдали за собою, говорят, что под влиянием вдохновения они испытывают какое-то невыразимо-приятное лихорадочное состояние, во время которого мысли невольно роятся в их уме и брызжут сами собою, точно искры из горящей головни.

² Покойный митрополит Московский Макарий, отличавшийся замечательно светлым умом, был до того болезненным и тупым ребенком, что совершенно не мог учиться. Но в семинарии кто-то из товарищей, во время игры, прошиб ему голову камнем, и после того способности Макария сделались блестящими, а здоровье совершенно поправилось. – *Прим. пер.*

Это прекрасно выразил Данте в следующих трех строках:

*...I mi son un che, quando
Amore spira, noto ed in quel modo
Che detta dentro vo significando.*

(Вдохновляемый любовью, я говорю то, что она подсказывает мне.)

Наполеон говорил, что исход битв зависит от одного мгновения, от одной мысли, временно оставшейся бездеятельной; при наступлении благоприятного момента она вспыхивает, подобно искре, и в результате является победа (Моро).

Бауэр говорит, что лучшие стихотворения Ку были продиктованы им в состоянии, близком к умопомешательству. В те минуты, когда с уст его слетали эти чудные строфы, он был не способен рассуждать даже о самых простых вещах.

Фосколо сознается в своем *Epistolario*, лучшем произведении этого великого ума, что творческая способность писателя обуславливается особым родом умственного возбуждения (лихорадки), которое *нельзя вызвать по своему произволу*.

«Я пишу свои письма, – говорит он, – не для отечества и не ради славы, но для того внутреннего наслаждения, какое доставляет нам упражнение наших способностей».

Беттинелли называет поэтическое творчество сном с открытыми глазами, без потери сознания, и это, пожалуй, справедливо, так как многие поэты диктовали свои стихи в состоянии, похожем на сон.

Гёте тоже говорит, что для поэта необходимо известное мозговое раздражение и что он сам сочинял многие из своих песен, находясь как бы в припадке сомнамбулизма.

Клопшток сознается, что, когда он писал свою поэму, вдохновение часто являлось к нему во время сна.

Во сне Вольтер задумал одну из песен Генриады, Сардини – теорию игры на флажолете, а Секендорф – свою прелестную песню о Фантазии. Ньютон и Кардано во сне разрешали математические задачи.

Муратори во сне составил пентаметр на латинском языке много лет спустя после того, как перестал писать стихи. Говорят, что во время сна Лафонтен сочинил басню «Два голубя», а Кондильяк закончил лекцию, начатую накануне. «Кубла» Кольриджа и «Фантазия» Гольде были сочинены во сне.

Моцарт сознавался, что музыкальные идеи являются у него невольно, подобно сновидениям, а Гофман часто говорил своим друзьям: «Я работаю, сидя за фортепьяно с закрытыми глазами, и воспроизвожу то, что подсказывает мне кто-то со стороны».

Лагранж замечал у себя неправильное биение пульса, когда писал, у Альфьери же в это время темнело в глазах.

Ламартин часто говорил: «Не я сам думаю, но мои мысли думают за меня». Альфьери, называвший себя барометром – до такой степени изменялись его творческие способности смотря по времени года, – с наступлением сентября *не мог* противиться овладевавшему им *невольному побуждению*, до того сильному, что он должен был уступить и написал шесть комедий. На одном из своих сонетов он собственноручно сделал такую надпись: «*Случайный. Я не хотел его писать*». Это преобладание бессознательного в творчестве гениальных людей замечено было еще в древности.

Сократ первый указал на то, что поэты создают свои произведения не вследствие старания или искусства, но благодаря некоторому природному инстинкту. Таким же образом прорицатели говорят прекрасные вещи, совершенно не сознавая этого.

«Все гениальные произведения, – говорит Вольтер в письме к Дидро, – созданы инстинктивно. Философы целого мира вместе не могли бы написать Армиды Кино или

басни «Мор зверей», которую Лафонтен диктовал, даже не зная хорошенько, что из нее выйдет. Корнель написал трагедию «Гораций» так же инстинктивно, как птица вьет гнездо». Таким образом, величайшие идеи мыслителей, подготовленные, так сказать, уже полученными впечатлениями и в высшей степени чувствительной организацией субъекта, рождаются внезапно и развиваются настолько же бессознательно, как и необдуманные поступки помешанных. Этой же бессознательностью объясняется непоколебимость убеждений в людях, усвоивших себе фанатически известные убеждения. Но как только прошел момент экстаза, возбуждения, гений превращается в обыкновенного человека или падает еще ниже, так как отсутствие равномерности (равновесия) есть один из признаков гениальной натуры. Дизраэли отлично выразил это, когда сказал, что у лучших английских поэтов, Шекспира и Драйдена, можно встретить и самые плохие стихи. О живописце Тинторетто говорили, что он бывает то выше Карраччи, то ниже Тинторетто.

Овидию вполне правильно объясняет неодинаковость слога Тассо его же собственным признанием, что, когда исчезало вдохновение, он путался в своих сочинениях, не узнавал их и не в состоянии был оценить их достоинства.

Не подлежит никакому сомнению, что между помешанным во время припадка и гениальным человеком, обдумывающим и создающим свое произведение, существует полнейшее сходство.

Припомните латинскую пословицу: «*Aut insanit homo, aut versus fecit*» («Или безумец, или стихоплет»).

Вот как описывает состояние Тассо врач Ревелье-Парат: «Пульс слабый и неровный, кожа бледная, холодная, голова горячая, воспаленная, глаза блестящие, налитые кровью, беспокойные, бегающие по сторонам. По окончании периода творчества часто сам автор не понимает того, что он минуту тому назад излагал».

Марини, когда писал *Adone*, не заметил, что сильно обжег ногу. Тассо в период творчества казался совершенно помешанным. Кроме того, обдумывая что-нибудь, многие искусственно вызывают прилив крови к мозгу, как, например, Шиллер, ставивший ноги в лед, Питт и Фокс, приготовлявшие свои речи после неумеренного употребления портера, и Паицелло, сочинявший не иначе как укрывшись множеством одеял. Мильтон и Декарт опрокидывались головою на диван, Боссюэ удалялся в холодную комнату и клал себе на голову теплые припарки; Куйас (*Cujas*) работал лежа вниз лицом на ковре. О Лейбнице сложилась поговорка, что он мыслил только в горизонтальном положении – до такой степени оно было необходимо ему для умственной деятельности. Мильтон сочинял запрокинув, голову назад, на подушку, а Тома (*Thomas*) и Россини – лежа в постели; Руссо обдумывал свои произведения под ярким полуденным солнцем с открытой головой.

Очевидно, все они инстинктивно употребляли такие средства, которые временно усиливают прилив крови к голове в ущерб остальным членам тела.

Здесь кстати упомянуть о том, что многие из даровитых и в особенности гениальных людей злоупотребляли спиртными напитками. Не говоря уже об Александре Великом, который под влиянием опьянения убил своего лучшего друга и умер после того, как десять раз осушил кубок Геркулеса, – самого Цезаря солдаты часто приносили домой на своих плечах. Сократ, Сенека, Алкивиад, Катон, а в особенности Септимий Север и Махмуд II до такой степени отличались невоздержанностью, что все умерли от пьянства вследствие белой горячки. Запоем страдали также Коннетабль Бурбонский, Авиценна, о котором говорят, что он посвятил вторую половину своей жизни на то, чтобы доказать всю бесполезность научных сведений, приобретенных им в первую половину, и многие живописцы, например Карраччи, Стен (*Steen*), Барбателли, и целая плеяда поэтов – Мюрже, Жерар де Нерваль, Мюссе, Клейст, Майлат и во главе их Тассо, писавший в одном из своих писем: «Я не отрицаю, что

я безумец; но мне приятно думать, что мое безумие произошло от пьянства и любви, потому что я действительно пью много».

Немало пьяниц встречается и в числе великих музыкантов, например Дюссек, Гендель и Глюк, говоривший, что «он считает вполне справедливым любить золото, вино и славу, потому что первое дает ему средство иметь второе, которое, вдохновляя, доставляет ему славу». Впрочем, кроме вина, он любил также водку и наконец опился ею.

Замечено, что почти все великие создания мыслителей получают окончательную форму или по крайней мере выясняются под влиянием какого-нибудь специального ощущения, которое играет здесь, так сказать, роль капли соленой воды в хорошо устроенном вольтовом столбе. Факты доказывают, что все великие открытия были сделаны под влиянием органов чувств, как это подтверждает и Молешотт. Несколько лягушек, из которых предполагалось приготовить целебный отвар для жены Гальвани, послужили к открытию гальванизма. Изохронические (одновременные) качания люстры и падение яблока натолкнули Ньютона и Галилея на создание великих систем. Альфьери сочинял и обдумывал свои трагедии, слушая музыку. Моцарт при виде апельсина вспомнил народную неаполитанскую песенку, которую слышал пять лет тому назад, и тотчас же написал знаменитую кантату к опере «Дон Жуан». Взглянув на какого-то носильщика, Леонардо задумал своего Иуду, а Торвальдсен нашел подходящую позу для сидящего ангела при виде кривляний своего натурщика.

Вдохновение впервые осенило Сальваторе Розу в то время, когда он любовался видом Позилино, а Хогарт нашел типы для своих карикатур в таверне, после того как один пьяница разбил там ему нос в драке. Мильтону, Бэкону, Леонардо и Варбуртону необходимо было слышать звон колоколов, для того чтобы приняться за работу; Бурдалу, перед тем как диктовать свои бессмертные проповеди, всегда наигрывал на скрипке какую-нибудь арию. Чтение одной оды Спенсера возбудило в Коулее склонность к поэзии, а книга Сакробозе заставила Гаммада пристраститься к астрономии. Рассматривая рака, Уатт напал на мысль об устройстве чрезвычайно полезной в промышленности машины, а Гиббон задумал писать историю Греции после того, как увидел развалины Капитолия³.

Но ведь точно так же известные ощущения вызывают помешательство или служат исходной точкой его, являясь иногда причиной самых страшных припадков бешенства. Так, например, кормилица Гумбольдта сознавалась, что вид свежего, нежного тела ее питомца возбуждал в ней неудержимое желание зарезать его. А сколько людей были вовлечены в убийство, поджог или разрывание могил при виде топора, пылающего костра и трупа!

Следует еще прибавить, что вдохновение, экстаз всегда переходят в настоящие галлюцинации, потому что человек видит тогда предметы, существующие лишь в его воображении. Так, Гросси рассказывал, что однажды ночью, после того как он долго трудился над описанием появления призрака Прина, он увидел этот призрак перед собою и должен был зажечь свечу, чтобы избавиться от него. Балль рассказывает о сыне (*successore*) Рейнолдса, что он мог делать до 300 портретов в год, так как ему было достаточно посмотреть на кого-нибудь в продолжение получаса, пока он набрасывал эскиз, чтобы потом уже это лицо постоянно было перед ним, как живое. Живописец Мартини всегда видел перед собою картины, которые писал, так что однажды, когда кто-то встал между ним и тем местом, где представлялось ему изображение, он попросил этого человека посторониться, потому что для него невозможно было продолжать копирование, пока существовавший лишь в его воображении оригинал был закрыт. Лютер слышал от сатаны аргументы, которых раньше не мог придумать сам.

³ Гёте создал свою теорию развития черепа по общему типу спинных позвонков во время прогулки, когда, толкнув ногою валявшийся на дороге череп овцы, увидел, что он разделился на три части. — *Прим. пер.*

Если мы обратимся теперь к решению вопроса – в чем именно состоит физиологическое отличие гениального человека от обыкновенного, то, на основании автобиографий и наблюдений, найдем, что по большей части вся разница между ними заключается в утонченной и почти болезненной впечатлительности первого. Дикарь или идиот малочувствительны к физическим страданиям, страсти их немногочисленны, из ощущений же воспринимаются ими лишь те, которые непосредственно касаются их в смысле удовлетворения жизненных потребностей. По мере развития умственных способностей впечатлительность растет и достигает наибольшей силы в гениальных личностях, являясь источником их страданий и славы. Эти избранные натуры более чувствительны в количественном и качественном отношении, чем простые смертные, а воспринимаемые ими впечатления отличаются глубиной, долго остаются в памяти и комбинируются различным образом. Мелочи, случайные обстоятельства, подробности, незаметные для обыкновенного человека, глубоко западают им в душу и перерабатываются на тысячу ладов, чтобы воспроизвести то, что обыкновенно называют творчеством, хотя это только бинарные и кватернарные комбинации ощущений.

Галлер писал о себе: «Что осталось у меня, кроме впечатлительности, этого могучего чувства, являющегося следствием темперамента, который живо воспринимает радости любви и чуда науки? Даже теперь я бываю тронут до слез, когда читаю описание какого-нибудь великодушного поступка.

Свойственная мне чувствительность, конечно, и придает моим стихотворениям тот страстный тон, которого нет у других поэтов».

«Природа не создала более чувствительной души, чем моя», – писал о себе Дидро. В другом месте он говорит: «Увеличьте число чувствительных людей, и вы увеличите количество хороших и дурных поступков». Когда Альфьери в первый раз услышал музыку, то был, по его словам, «поражен до такой степени, как будто яркое солнце ослепило мне зрение и слух; несколько дней после того я чувствовал необыкновенную грусть, не лишенную приятности; фантастические идеи толпились в моей голове, и я способен был писать стихи, если бы знал тогда, как это делается...» В заключение он говорит, что ничто не действует на душу так неотразимо могущественно, как музыка. Подобное же мнение высказывали Стерн, Руссо и Ж. Санд.

Корради доказывает, что все несчастья Леопарди и самая его философия были вызваны излишней чувствительностью и неудовлетворенной любовью, которую он в первый раз испытал на 18-м году. И действительно, философия Леопарди принимала более или менее мрачный оттенок, смотря по состоянию его здоровья, пока наконец грустное настроение не обратилось у него в привычку.

Урквиция падал в обморок, услышав запах розы. Стерн, после Шекспира наиболее глубокий из поэтов-психологов, говорит в одном письме: «Читая биографии наших древних героев, я плачу о них, как будто о живых людях... Вдохновение и впечатлительность – единственные орудия гения. Последняя вызывает в нас те восхитительные ощущения, которые придают большую силу радости и вызывают слезы умиления».

Известно, в каком рабском подчинении находились Альфьери и Фосколо у женщин, не всегда достойных такого обожания. Красота и любовь Форнарины служили для Рафаэля источником вдохновения не только в живописи, но и в поэзии. Несколько его эротических стихотворений до сих пор еще не утратили своей прелести.

А как рано проявляются страсти у гениальных людей! Данте и Альфьери были влюблены в 9 лет, Руссо – 11, Каррон и Байрон – 8. С последним уже на 16-м году сделались судороги, когда он узнал, что любимая им девушка выходит замуж. «Горе душило меня, – рассказывает он, – хотя половое влечение мне было еще незнакомо, но любовь я чувствовал до того страстную, что вряд ли и впоследствии испытал более сильное чувство». На одном из представлений Кица с Байроном случился припадок конвульсий.

Лорби видел ученых, падавших в обморок от восторга при чтении сочинений Гомера. Живописец Франчия (*Francia*) умер от восхищения, после того как увидел картину Рафаэля.

Ампер до такой степени живо чувствовал красоты природы, что едва не умер от счастья, очутившись на берегу Женевского озера. Найдя решение какой-то задачи, Ньютон был до того потрясен, что не мог продолжать своих занятий. Гей-Люссак и Дэви после сделанного ими открытия начали в туфлях плясать по своему кабинету. Архимед, восхищенный решением задачи, в костюме Адама выбежал на улицу с криком: «Эврика!» («Нашел!») Вообще, сильные умы обладают и сильными страстями, которые придают особенную живость всем их идеям; если у некоторых из них многие страсти и бледнеют, как бы замирают со временем, то это лишь потому, что мало-помалу их заглушает преобладающая страсть к славе или к науке.

Но именно эта слишком сильная впечатлительность гениальных или только даровитых людей является в громадном большинстве случаев причиной их несчастий, как действительных, так и воображаемых.

«Драгоценный и редкий дар, составляющий привилегию великих гениев, — пишет Мантегацца, — сопровождается, однако же, болезненной чувствительностью ко всем, даже самым мелким, внешним раздражениям: каждое дуновение ветерка, малейшее усиление жара или холода превращается для них в тот засохший розовый лепесток, который не давал заснуть несчастному сибариту». Лафонтен, может быть, разумел самого себя, когда писал: «*Un souffle, une rien leur donne la fièvre*»⁴.

Гений раздражается всем, и что для обыкновенных людей кажется просто булавочными уколами, то при его чувствительности уже представляется ему ударом кинжала.

Буало и Шатобриан не могли равнодушно слышать похвал кому бы то ни было, даже своему сапожнику.

Когда Фосколо разговаривал однажды с госпожой S., пишет Мантегацца, за которой сильно ухаживал, и та зло подсмеялась над ним, он пришел в такую ярость, что закричал: «Вам хочется убить меня, так я сейчас же у ваших ног размозжу себе череп». С этими словами он со всего размаха бросился головою вниз на угол камина. Одному из стоявших вблизи удалось, однако же, удержать его за плечи и тем спасти ему жизнь.

Болезненная впечатлительность порождает также и непомерное тщеславие, которым отличаются не только люди гениальные, но и вообще ученые, начиная с древнейших времен; в этом отношении те и другие представляют большое сходство с мономаньяками, страдающими горделивым помешательством.

«Человек — самое тщеславное из животных, а поэты — самые тщеславные из людей», — писал Гейне, подразумевая, конечно, и самого себя. В другом письме он говорит: «Не забывайте, что я — поэт и потому думаю, что каждый должен бросить все свои дела и заняться чтением стихов».

Менке рассказывает о Филельфо, как он воображал, что в целом мире даже в числе древних никто не знал лучше его латинский язык. Аббат Каньоли до того гордился своей поэмой о битве при Аквилее, что приходил в ярость, когда кто-нибудь из литераторов не раскланивался с ним. «Как, вы не знаете Каньоли?» — спрашивал он.

Поэт Люций не вставал с места при входе Юлия Цезаря в собрание поэтов, потому что считал себя выше его в искусстве стихосложения.

Ариосто, получив лавровый венок от Карла V, бегал точно сумасшедший по улицам. Знаменитый хирург Порты, присутствуя в Ломбардском институте при чтении медицинских сочинений, всячески старался выразить свое презрение и недовольство ими, каково бы ни

⁴ Малейшее дуновение ветра, ничтожное облачко, каждый пустяк вызывает у них лихорадку.

было их достоинство, тогда как сочинения по математике или лингвистике он выслушивал спокойно и внимательно.

Шопенгауэр приходил в ярость и отказывался платить по счетам, если его фамилия была написана через два п.

Бартез потерял сон с отчаяния, когда при печатании его «Гения» (*Génie*) не был поставлен знак над *e*. Уайстон, по свидетельству Араго, не решался издать опровержение *ньютонской хронологии* из боязни, как бы Ньютон не убил его.

Все, кому выпадало на долю редкое счастье жить в обществе гениальных людей, поражались их способностью перетолковывать в дурную сторону каждый поступок окружающих, видеть всюду преследования и во всем находить повод к глубокой, бесконечной меланхолии. Эта способность обуславливается именно более сильным развитием умственных сил, благодаря которым даровитый человек более способен находить истину и в то же время легче придумывает ложные доводы в подтверждение основательности своего мучительного заблуждения.

Отчасти мрачный взгляд гениев на окружающее зависит, впрочем, и от того, что, являясь новаторами в умственной сфере, они с непоколебимой твердостью высказывают убеждения, не сходные с общепринятым мнением, и тем отталкивают от себя большинство дюжинных людей.

Но все-таки главнейшую причину меланхолии и недовольства жизнью избранных натур составляет закон динамизма и равновесия, управляющий также и нервной системой, закон, по которому вслед за чрезмерной тратой или развитием силы является чрезмерный упадок той же самой силы, – закон, вследствие которого ни один из жалких смертных не может проявить известной силы без того, чтобы не поплатиться за это в другом отношении, и очень жестоко, наконец, тот закон, которым обуславливается неодинаковая степень совершенства их собственных произведений.

Меланхолия, уныние, застенчивость, эгоизм – вот жестокая расплата за высшие умственные дарования, которые они тратят, подобно тому как злоупотребления чувственными наслаждениями влекут за собою расстройство половой системы, бессилие и болезни спинного мозга, а неумеренность в пище сопровождается желудочными катарам.

После одного из тех экстазов, во время которых поэтесса Милли обнаруживает до того громадную силу творчества, что ее хватило бы на целую жизнь второстепенным итальянским поэтам, она впала в полупаралитическое состояние, продолжавшееся несколько дней. Магомет по окончании своих проповедей впадал в состояние полного отупения и однажды сам сказал Абу-Бекру, что толкование трех глав Корана довело его до одурения.

Гёте, сам холодный Гёте, сознавался, что его настроение бывает то чересчур веселым, то чересчур печальным.

Вообще, я не думаю, чтобы в целом мире нашелся хотя один великий человек, который, даже в минуты полного блаженства, не считал бы себя, без всякого повода, несчастным и гонимым или хотя временно не страдал бы мучительными припадками меланхолии.

Иногда чувствительность искажается и делается односторонней, сосредоточиваясь на одном каком-нибудь пункте. Несколько идей известного порядка и некоторые особенно излюбленные ощущения мало-помалу приобретают значение главного (специфического) стимула, действующего на мозг великих людей и даже на весь их организм.

Гейне, сам признававший себя неспособным понимать простые вещи, Гейне, разбитый параличом, слепой и находившийся уже при последнем издыхании, когда ему посоветовали обратиться к Богу, прервал хрипение агонии словами: «*Dieu me pardonnera – c'est son métier*», закончив этой последней иронией свою жизнь, эстетически-циничнее которой не было в наше время. Об Аретино рассказывают, что последние слова его были: «*Guardatemi dai topi or che son unto*».

Малерб, совсем уже умирающий, поправлял грамматические ошибки своей сиделки и отказался от напутствия духовника потому, что он нескладно говорил.

Богур (*Baugours*), специалист грамматики, умирая, сказал: «*Je vais ou je va mourir* – то и другое правильно».

Сантени (*Santenis*) сошел с ума от радости, найдя эпитет, который тщетно приискивал долгое время. Фосколо говорил о себе: «Между тем как в одних вещах я в высшей степени понятлив, относительно других понимание у меня не только хуже, чем у всякого мужчины, но хуже, чем у женщины или у ребенка».

Известно, что Корнель, Декарт, Виргилий, Аддисон, Лафонтен, Драйден, Манцони, Ньютон почти совершенно не умели говорить публично. Пуассон говорил, что жить стоит лишь для того, чтобы заниматься математикой. Д'Аламбер и Менаж, спокойно переносившие самые мучительные операции, плакали от легких уколов критики. Лючио де Лансеваль смеялся, когда ему отрезали ногу, но не мог вынести резкой критики Жоффруа.

Шестидесятилетний Линней, впавший в паралитическое и бессмысленное состояние после апоплексического удара, пробуждался от сонливости, когда его подносили к гербария, который он прежде особенно любил.

Когда Ланьи лежал в глубоком обмороке и самые сильные средства не могли возбудить в нем сознания, кто-то вздумал спросить у него, сколько будет 12 в квадрате, и он тотчас же ответил: 144.

Себуйа, арабский грамматик, умер с горя оттого, что с его мнением относительно какого-то грамматического правила не соглашался халиф Гарун аль-Рашид.

Следует еще заметить, что среди гениальных или скорее ученых людей часто встречаются те узкие специалисты, которых Вахдакоф (*Wachdakoff*) называет *монотипичными* субъектами; они всю жизнь занимаются одним каким-нибудь выводом, сначала занимающим их мозг и затем уже охватывающим его всецело: так, Бекман в продолжение целой жизни изучал патологию почек, Фреснер – Луну, Мейер – муравьев, что представляет огромное сходство с мономанами.

Вследствие такой преувеличенной и сосредоточенной чувствительности как великих людей, так и помешанных чрезвычайно трудно убедить или разубедить в чем бы то ни было. И это понятно: источник истинных и ложных представлений лежит у них глубже и развит сильнее, нежели у людей обыкновенных, для которых мнения составляют только условную форму, род одежды,меняемой по прихоти моды или по требованию обстоятельств. Отсюда следует, с одной стороны, что не должно никому верить безусловно, даже великим людям, а с другой стороны, что моральное лечение мало приносит пользы помешанным.

Крайнее и одностороннее развитие чувствительности, без сомнения, служит причиной тех странных поступков, вследствие временной анестезии⁵ и анальгезии⁶, которые свойственны великим гениям наравне с помешанными. Так, о Ньютоне рассказывают, что однажды он стал набивать себе трубку пальцем своей племянницы и что, когда ему случилось уходить из комнаты, чтобы принести какую-нибудь вещь, он всегда возвращался, не захватив ее. О Тюшереле говорят, что один раз он забыл даже, как его зовут. Бетховен и Ньютон, принявшись – один за музыкальные композиции, а другой за решение задач, до такой степени становились нечувствительными к голоду, что бранили слуг, когда те приносили им кушанья, уверяя, что они уже пообедали. Джиоия в припадке творчества написал целую главу на доске письменного стола вместо бумаги. Аббат Беккария, занятый своими опытами, во время служения обедни произнес, забывшись: «*Ite, experientia facta est*» («А все-таки опыт есть факт»). Дидро, нанимая извозчиков, забывал отпускать их, и ему прихо-

⁵ Потеря осязательной чувствительности.

⁶ Потеря болевой чувствительности.

дилось платить им за целые дни, которые они напрасно простаивали у его дома; он же часто забывал месяцы, дни, часы, даже тех лиц, с кем начинал разговаривать, и, точно в припадке сомнамбулизма, произносил целые монологи перед ними.

Подобным же образом объясняется, почему великие гении не могут иногда усвоить понятий, доступных самым дюжинным умам, и в то же время высказывают такие смелые идеи, которые большинству кажутся нелепыми. Дело в том, что большей впечатлительности соответствует и большая ограниченность мышления (*conchetto*). Ум, находящийся под влиянием экстаза, не воспринимает слишком простых и легких положений, не соответствующих его мощной энергии. Так, Монж, делавший самые сложные дифференциальные вычисления, затруднялся в извлечении квадратного корня, хотя эту задачу легко решил бы всякий ученик.

Гаген считает оригинальность именно тем качеством, которое резко отличает гений от таланта. Точно так же Юрген Мейер говорит: «Фантазия талантливого человека воспроизводит уже найденное, фантазия гения – совершенно новое. Первая делает открытия и подтверждает их, вторая изобретает и создает. Талантливый человек – это стрелок, попадающий в цель, которая кажется нам труднодостижимой; гений попадает в цель, которой даже и не видно для нас. Оригинальность – в натуре гения».

Беттинелли считает оригинальность и грандиозность главными отличительными признаками гения. «Потому-то, – говорит он, – поэты и назывались прежде *trovadori* (изобретатели)».

Гений обладает способностью угадывать то, что ему не вполне известно: например, Гёте подробно описал Италию, еще не издавши ее. Именно вследствие такой прозорливости, возвышающейся над общим уровнем, и благодаря тому, что гений, поглощенный высшими соображениями, отличается от толпы в сверхпоступках или даже, подобно сумасшедшим (но в противоположность талантливым людям), обнаруживает склонность к беспорядочности, – гениальные натуры встречают презрение со стороны большинства, которое, не замечая промежуточных пунктов в их творчестве, видит только разноречие сделанных ими выводов с общепризнанными и странности в их поведении. Еще не так давно публика освистала «Севильского цирюльника» Россини и «Фиделию» Бетховена, а в наше время той же участи подверглись Бойто (Мефистофель) и Вагнер. Сколько академиков с улыбкой сострадания отнеслись к бедному Марцоло, который открыл совершенно новую область филологии; Больяи (*Bolyai*), открывшего четвертое измерение и написавшего антиевклидову геометрию, называли геометром сумасшедших и сравнивали с мельником, который вздумал бы перемалывать камни для получения муки. Наконец, всем известно, каким недоверием были некогда встречены Фултон, Колумб, Папин, а в наше время Пиатти, Прага и Шлиман, который отыскал Илион там, где его и не подозревали, и, показав свое открытие ученым академиком, заставил умолкнуть их насмешки над собой.

Кстати, самые жестокие преследования гениальным людям приходится испытывать именно от ученых академиков, которые в борьбе против гения, обусловливаемой тщеславием, пускают в ход свою «ученость», а также обаяние их авторитета, по преимуществу признаваемого за ними как дюжинными людьми, так и правящими классами, тоже по большей части состоящими из дюжинных людей.

Есть страны, где уровень образования очень низок и где поэтому с презрением относятся не только к гениальным, но даже к талантливым людям. В Италии есть два университетских города, из которых всевозможными преследованиями заставили удалиться людей, составлявших единственную славу этих городов. Но оригинальность, хотя почти всегда бесцельная, нередко замечается также в поступках людей помешанных, в особенности же в их сочинениях, которые только вследствие этого получают иногда оттенок гениальности, как, например, попытка Бернарда, находившегося в флорентийской больнице для умалишенных в 1529 году, доказать, что обезьяны обладают способностью членораздельной

речи (*linguaggio*). Между прочим, гениальные люди отличаются наравне с помешанными и склонностью к беспорядочности, и полным неведением практической жизни, которая кажется им такой ничтожной в сравнении с их мечтами.

Оригинальностью же обуславливается склонность гениальных и душевнобольных людей придумывать новые, непонятные для других слова или придавать известным словам особый смысл и значение, что мы находим у Вико, Карраро, Альфьери, Марцоло и Данте.

Глава III. Влияние атмосферных явлений на гениальных людей и на помешанных

На основании целого ряда тщательных наблюдений, производившихся непрерывно в продолжение трех лет в моей клинике, я вполне убедился, что психическое состояние помешанных изменяется под влиянием колебаний барометра и термометра. Так, при повышении температуры до 25°, 30° и 32 °С, в особенности если оно происходит сразу, число маниакальных припадков у сумасшедших увеличивалось с 29 до 50; точно так же в те дни, когда барометр начинал резко колебаться и показывал максимум повышения, число припадков быстро увеличивалось с 34 до 46. Изучение 23 602 случаев сумасшествия доказало мне, что развитие умопомешательства совпадает обыкновенно с повышением температуры весной и летом и даже идет параллельно ему, но так, что весенняя жара, вследствие контраста после зимнего холода, действует еще сильнее летней, тогда как сравнительно ровная теплота августовских дней оказывает менее губительное влияние. В следующие же затем более холодные месяцы замечается минимум новых заболеваний. Прилагаемая таблица показывает это вполне наглядно.

Месяц	Помешанных	Тепла	Месяц	Помешанных	Тепла
Июнь	2701	21,29 °С	Октябрь	1637	12,77 °С
Май	2642	16,75 °С	Сентябрь	1604	19,00 °С
Июль	2614	23,75 °С	Декабрь	1529	1,01 °С
Август	2261	21,92 °С	Февраль	1490	5,73 °С
Апрель	2237	16,12 °С	Январь	1476	1,63 °С
Март	1829	6,60 °С	Ноябрь	1452	7,17 °С

Полнейшая аналогия с этими явлениями замечается и в тех людях, которых – трудно сказать, благодетельная или жестокая, – природа более щедро одарила умственными способностями. Редкие из этих людей не высказывали сами, что атмосферные явления производят на них громадное влияние. В своих личных сношениях и в письмах они постоянно жалуются на вредное действие на них изменений температуры, с которым они должны иногда выдерживать ожесточенную борьбу, чтобы уничтожить или смягчить роковое влияние дурной погоды, ослабляющей и задерживающей смелый полет их фантазии. «Когда я здоров и погода ясная, я чувствую себя порядочным человеком», – писал Монтень. «Во время сильных ветров мне кажется, что мозг у меня не в порядке», – говорил Дидро. Джордани, по словам Мантегацца, за два дня предсказывал грозы. Мэн Биран (*Maine Biran*), философ-спиритуалист по преимуществу, пишет в своем дневнике: «Не понимаю, почему это в дурную погоду и ум, и воля у меня совершенно не те, как в ясные, светлые дни».

«Я уподобляюсь барометру, – писал Альфьери, – и большая или меньшая легкость работы всегда соответствует у меня атмосферному давлению, – полнейшая тупость (*stupidita*) нападает на меня во время сильных ветров, ясность мысли у меня бесконечно слабее вечером, нежели утром, а в середине зимы и лета творческие способности мои бывают

живее, чем в остальные времена года. Такая зависимость от внешних влияний, против которых я почти не в силах бороться, смиряет меня».

Из этих примеров уже очевидно влияние колебаний барометра на гениальных людей, и большая аналогия в этом отношении между ними и помешанными; но еще заметнее, еще резче оказывается влияние температуры.

Наполеон, сказавший, что «человек есть продукт физических и нравственных условий», не мог выносить самого легкого ветра и до того любил тепло, что приказывал топить у себя в комнате даже в июле месяце. Кабинеты Вольтера и Бюффона отапливались во всякое время года. Руссо говорил, что солнечные лучи в летнюю пору вызывают в нем творческую деятельность, и он подставлял под них свою голову в самый полдень.

Байрон говорил о себе, что боится холода, точно газель. Гейне уверял, что он более способен писать стихи во Франции, чем в Германии с ее суровым климатом. «Гром гремит, идет снег, – пишет он в одном из своих писем, – в камине у меня мало огня, и письмо мое холодно». Спалланцани, живя на Эолийских островах, мог заниматься вдвое больше, чем в туманной Павии. Леопарди в своем Эпистоларио говорит: «Мой организм не выносит холода, я жду и желаю наступления царства Ормузда». Джустини писал весной: «Теперь вдохновение перестанет прятаться... если весна поможет мне, как и во всем остальном». Джордани не мог сочинять иначе, как при ярком свете солнца и в теплую погоду. Фосколо писал в ноябре: «Я постоянно держусь около камина (огня), и друзья мои над этим смеются; я стараюсь придать моим членам теплоту, которую поглощает и перерабатывает внутри себя мое сердце». В декабре он уже писал: «Мой природный недостаток – боязнь холода – заставлял меня держаться вблизи огня, который жжет мне веки».

Мильтон уже в своих латинских элегиях сознается, что зимою его муза делается бесплодной. Вообще, он мог сочинять только от весеннего до осеннего равноденствия. В одном из своих писем он жалуется на холода в 1798 году и выражает опасение, как бы это не мешало свободному развитию его воображения, если холод будет продолжаться. Джонсону, который рассказывает об этом, можно доверять вполне, потому что сам он, лишенный фантазии и одаренный только спокойным, холодным критическим умом, никогда не испытывал влияния времен года или погоды на свою способность к труду и в Мильтоне считал подобные особенности результатом его странного характера. Сальваторе Роза, по словам леди Морган, смеялся в молодости над тем преувеличенным значением, какое будто бы оказывает погода на творчество гениальных людей, но, состарившись, оживлялся и получал способность мыслить лишь с наступлением весны; в последние годы жизни он мог заниматься живописью исключительно только летом.

Читая письма Шиллера к Гёте, изумляешься тому, что этот великий, гуманный и гениальный поэт приписывал погоде какое-то необыкновенное влияние на свои творческие способности. «В эти печальные дни, – писал он в ноябре 1871 года, – под этим свинцовым небом, мне необходима вся моя энергия, чтобы поддерживать в себе бодрость; приняться же за какой-нибудь серьезный труд я совершенно не способен. Я снова берусь за работу, но погода до того дурна, что нет возможности сохранить ясность мысли». В июле 1818 года он говорит, напротив: «Благодаря хорошей погоде я чувствую себя лучше, лирическое вдохновение, которое менее всякого другого подчиняется нашей воле, не замедлит явиться». Но в декабре того же года он снова жалуется, что необходимость окончить «Валленштейна» совпала с самым неблагоприятным временем года, «поэтому, – говорит он, – я должен употребить всевозможные усилия, чтобы сохранить ясность мысли». В мае Шиллер писал: «Я надеюсь сделать много, если погода не изменится к худшему». Из всех этих примеров можно уже с некоторым основанием сделать тот вывод, что высокая температура, благоприятно действующая на растительность, способствует, за немногими исключениями, и продуктивности гения, подобно тому как она вызывает более сильное возбуждение в помешанных.

Если бы историки, исписавшие столько бумаги и потратившие столько времени на подробнейшее изображение жестоких битв или авантюристских предприятий, осуществленных королями и героями, если бы эти историки с такой же тщательностью исследовали достопамятную эпоху, когда было сделано то или другое великое открытие или когда было задумано замечательное произведение искусства, то они почти наверное убедились бы, что наиболее знойные месяцы и дни оказываются самыми плодовитыми не только для всей физической природы, но также и для гениальных умов.

При всей кажущейся неправдоподобности такого влияния оно подтверждается множеством несомненных фактов. Данте сочинил свой первый сонет 15 июня 1282 года; весной 1300 года он написал *Vita nuova*, а 3 апреля начал писать свою великую поэму.

Петрарка задумал *Africana* в марте 1338 года. Громадная картина Микеланджело, которую Челлини, самый компетентный судья в этой области, назвал удивительнейшим из произведений гениального живописца, была скомпонована и окончена в течение трех месяцев, с апреля по июль 1506 года.

Мильтон задумал свою поэму весной. Галилей открыл кольцо Сатурна в апреле 1611 года. Лучшие вещи Фосколо были написаны в июле и августе. Стерн первую из своих проповедей написал в апреле, а в мае сочинил знаменитую проповедь о заблуждениях совести. Новейшие поэты – Ламартин, Мюссе, Гюго, Беранже, Каркано, Алеарди, Маскерони, Занелла, Арканжели, Кардуччи, Милли, Белли имели обыкновение обозначать почти на всех своих мелких и лирических стихотворениях, когда именно каждое из них было сочинено. Пользуясь этими драгоценными указаниями, мы составили следующую таблицу.

Месяцы	Амартин	В.Гюго	Мюссе и Беранже	Каркано, Арканжели, Занелла, Кардуччи, Маскерони, Алсари	Милли	Белли	Байрон	Сумма
Январь	11	20	8	10	28	21	1	99
Февраль	6	25	6	11	16	13	1	78
Март	18	19	4	22	16	14	3	96
Апрель	9	46	1	11	35	16	1	122
Май	16	57	13	16	30	4	1	137
Июнь	5	52	3	11	25	7	3	106
Июль	9	38	9	14	24	2	-	96
Август	25	35	9	20	16	4	-	109
Сентябрь	16	38	4	26	17	17	1	119
Октябрь	5	40	3	12	12	5	3	80
Ноябрь	12	29	8	10	20	22	-	101
Декабрь	10	10	7	12	25	18	-	82

Распределяя по месяцам сочинения Альфьери, мы видим, что в августе он написал «Гарция», в июле – «Марию Стюарт»; в мае – «Заговор сумасшедших» (*Congiura di Pazzi*), две книги «О тирании» и «О государе» (*Principe*); в июне «Виргинию», «Лорентино», «Альцеста» и «Панегирик Траяну»; в сентябре – «Софонизбу», «Ажиде» (*Agide*), «Мирру» и 6 комедий; в марте – «Саула»; в апреле – «Антигону», в феврале – «Меропу»; зимою – обоих «Брутов» и диалог «О добродетели». Две первые трагедии его были задуманы в марте и мае.

Из автографов Джусти я мог с точностью определить время первоначального создания многих мелких поэм этого поэта, но когда именно они получили окончательную отделку – трудно сказать, до такой степени в них много поправок.

Стихотворение Джусти «Бал» (или «Современная демократия», как оно вначале называлось) было написано в ноябре, «Сатира на лжелибералов» – в октябре; маленькая поэма «К другу» – в июне, *Ave Maria* – в марте. Вольтер написал «Танкреда» в августе. Байрон окончил в сентябре 4-ю песню *Pelligrinaggio*, в июне «Пророчество Данте», а летом в Швейцарии – «Шильонского узника», «Мрак» и «Сон». Из переписки Шиллера с Гёте видно, что он осенью составил план трагедий «Дон Карлос», «Валленштейн», «Заговор Фиеско» и «Вильгельм Телль». В сентябре месяце были написаны им «Лагерь Валленштейна» и «Эстетические письма». Зимою он задумал трагедию «Луиза Миллер», в июне – «Коринфскую неве-

сту», «Бог и баядерка», «Чародей» (*Mago*), «Водолаз», «Перчатка», «Поликратов перстень», «Ивиковы журавли»; в июне начал писать «Иоанну д'Арк».

Гёте набросал осенью три лирических стихотворения, в апреле начал писать «Вертера»; в мае – «Искателя кладов», «Строфы», «Миньону» и еще лирическое стихотворение; в июне и июле: «Челлини»; «Алексис», «Эфрозина», «Метаморфозы растений» и «Парнас»; зимою: «Ксении», «Герман и Доротея», «Диван» и «Незаконная дочь». В первых числах марта 1788 года, когда, по словам самого Гёте, несколько дней значили для него больше целого месяца, он написал, кроме многих лирических пьес, еще и окончание к «Фаусту».

Россини в феврале сочинил почти всю оперу «Семирамида», а в ноябре написал последнюю часть *Stabat Mater*. Моцарт сочинил оперу «Митридат» в октябре. Бетховен написал свою Девятую симфонию в феврале. Доницетти в сентябре сочинил оперу «Лючия ди Ламмермур», может быть, и всю, но наверное знаменитый отрывок *Tu che a Dio spiegasti l'aie*. Точно так же осенью он написал оперу «Дочь полка», весной – «Линду ди Шамуни», летом – *Rita*, зимою – «Дон Паскуале» и *Miserere*. Канова сделал модель своего первого произведения («Орфей и Эвридика») в октябре. Микеланджело работал над своей картиной «Милосердие» с сентября по октябрь 1498 года, рисунок библиотеки он составил в декабре, а деревянную модель гробницы Папы Юлия I – в августе. Леонардо да Винчи задумал статую Франческо Сфорца и начал писал свое сочинение «О свете и тени» 23 апреля 1490 года.

Первая мысль об открытии Америки явилась у Колумба в конце мая и в начале июня 1474 года, когда он задумал отыскать западный путь в Индию. Галилей открыл в апреле 1611 года, одновременно с Шейнером или, может быть, раньше его, пятна на Солнце; а годом раньше, в декабре или, скорее, в сентябре, – так как наблюдение было сделано три месяца раньше, чем появилось его описание, – он открыл аналогию между фазами Луны и Венеры. В мае 1609 года Галилей изобрел телескоп, а в июле 1610 года открыл те звезды, которые впоследствии оказались самыми светлыми точками в кольце Сатурна. Это последнее открытие он с обычным своим остроумием кратко выразил в стихе: *Aitissimum planetam tergeminum observavi*⁷.

Кеплер в мае 1618 года открыл законы движения мировых тел. В августе 1546 года Фабрициус открыл первую периодически перемещающуюся звезду. В октябре 1666 года и апреле 1667 года Кассини открыл пятна, указывающие на вращение Венеры, а в октябре, декабре и марте (1671–1684) – четыре спутника Сатурна. Еще два из них были открыты Гершелем в марте 1789 года.

Один из спутников Сатурна был открыт Гюйгенсом 25 марта 1655 года, а другой – Дове и Бондом в ночь на 19 сентября 1848 года. Два спутника Урана были открыты в 1787 году Гершелем; он подозревал, что существует и третий спутник, который в октябре 1851 года был найден Струве и Ласселлом, открывшими 14 сентября этого года также и последний спутник Урана – Ариэль. Спутники Нептуна Ласселл впервые увидел в ночь на 8 июля 1846 года. Уран был открыт Гершелем в марте 1781 года. Тот же астроном наблюдал в апреле вулканы на Луне.

Брадлей открыл в сентябре 1728 года законы аберрации (кажущееся движение неподвижных звезд). Замечательно, что на это открытие навело его наблюдение колебаний вымпела (флюгера) при каждом повороте барки на Темзе. Любопытные открытия Энке и Вико (1735–1738) относительно Сатурна были сделаны в марте и апреле. Из комет, открытых Гамбардом, три он нашел в июле, две – в марте и мае и по одной – в январе, апреле, июне, августе, октябре и декабре. Спутники Марса Холл открыл в августе 1877 года.

Общее число 175 мелких планет, открытых в продолжение 1877 года, и 247 комет, открытых до 1864 года, распределяется по месяцам:

⁷ Наблюдал тройное лицо высочайшей планеты.

	Мелкие планеты	Кометы
В январе	11	24
В феврале	10	10
В марте	13	24
В апреле	23	25
В мае	14	14
В июне	7	15
В июле	10	37
В августе	19	21
В сентябре	29	15
В октябре	18	22
В ноябре	18	22
В декабре	3	17
Итого	175	247

Открытие Скиапарелли относительно падающих звезд было сделано в августе 1866 года.

Из дневника Мальпиги видно, что в июле он сделал свое замечательное открытие, касающееся добавочных почек, а в июле – относительно скученных желез⁸. Любопытен тот факт, что у Мальпиги некоторые месяцы особенно богаты новыми работами, например, в 1688 и 1690 годах – январь, а в 1671 – июнь, в продолжение которого сделано три открытия. Первая мысль об устройстве барометра явилась у Торричелли в мае 1644 года, как это видно из его письма к Ричи от 11 июня; в марте того же года он сделал чрезвычайно важное для того времени открытие относительно лучшего способа приготовления стекол для телескопов.

Первые опыты Паскаля над равновесием жидкостей были произведены в сентябре 1645 года. В марте 1752 года Франклин сделал первые опыты с громоотводами, которые, однако, устроил окончательно только в сентябре. Гёте говорит, что самые оригинальные идеи относительно теории цветов явились у него в мае; его прекрасные опыты над растениями были произведены в июне.

⁸ Так называются железы, состоящие из собрания лимфатических клеток, не имеющих общей оболочки. Они расположены под слизистой оболочкой кишок и полости рта. – *Прим. пер.*

Алессандро Вольта изобрел свой электрический столб зимой 1800 года; мнение, будто это изобретение сделано весной, – ошибочно, так как 20 марта 1805 года Вольта только сообщил о нем Королевскому Обществу в Лондоне.

Весною 1775 года был изобретен им электрофор. В первых числах ноября 1774 года он же сделал открытие относительно отделения водорода при брожении органических веществ и осенью 1776 года изобрел свой заряжающийся водородом пистолет, хотя биографы относят это изобретение к весне 1776 года. К этому же году относится, изобретение эвдиометра, сделанное, по всей вероятности, весной, приблизительно в мае месяце. В апреле того же 1777 года Вольта написал профессору Барлетта знаменитое письмо (хранящееся в Ломбардском институте), где сделано предсказание относительно электрического телеграфа. Весною 1788 года он устроил свой электрометр-конденсатор, описание которого издал в августе.

Луиджи Бруньятелли изобрел искусство гальванопластики в ноябре 1806 года, как об этом свидетельствует письмо, найденное адвокатом Вольта в бумагах своего знаменитого предка; изобретение это приписывалось и Якоби, и Спенсеру, и Де-ла Риву, хотя они только усовершенствовали его в 1835 и 1840 годах.

Никольсон открыл окисление металлов с помощью Вольтова столба летом 1800 года.

Первые работы Гальвани над действием атмосферного электричества на нервы холоднокровных животных были сделаны им, как он сам писал, 26 апреля 1776 года. В сентябре 1786 года он произвел первые опыты над судорожными сокращениями лягушек без посредства постоянного электрического источника, с помощью одного только металлического проводника, откуда и получила начало теория гальванизма. В ноябре 1780 года Гальвани приступил к опытам над сокращениями лягушек посредством электричества.

Из рукописей Лагранжа видно, что первое представление о вариационном вычислении явилось у него 12 июня 1755 года и что «Аналитическую механику» он задумал 19 мая 1756 года. Решение задачи о вибрирующих струнах он нашел в ноябре 1759 года.

Рассматривая рукописи Спалланцани, которые частью мне удалось достать в подлиннике из общественной библиотеки Реджио, и пользуясь сделанными для меня из них профессором Тамбурини выписками, я пришел к заключению, что опыты Спалланцани над плесенью были начаты 26 сентября 1770 года. 8 мая 1780 года он предпринял, говоря его собственными словами, «изучение животных, цепенеющих на холоде», а в 1776 году, в апреле или мае, нашел в самках зародыши, ранее оплодотворенные (партеногенезис). Позднее, 2 апреля 1780 года является самым богатым днем в его жизни по части опытов или дедукций относительно овуляции. «Я убедился, – собственноручно написал в этот день Спалланцани, после того как сделал 43 опыта, – что семя (*sperma*) получает способность оплодотворения через известный промежуток времени после своего выхода, что слизь половых органов (*succo vescicolare*) может оплодотворять точно так же, как и семя, и что вино и уксус мешают оплодотворению». 7 мая 1780 года он сделал открытие, что для оплодотворения достаточно бесконечно малого количества семени.

Судя по одному письму Спалланцани к Бонне, можно думать, что весной 1771 года у него явилась мысль изучить влияние сокращений сердца на кровообращение, а в мае 1781 года в записной книжке его был намечен плак 161 нового опыта над искусственным оплодотворением лягушек.

Из рукописей Лейбница видно, что 29 октября 1675 года он впервые употребил знак интеграла вместо принятого в то время обозначения Кавальери. Из письма Гумбольдта к Варнгагену видно, что предисловие к «Космосу» начато им в октябре. 8 декабря Дэви открыл йод, а в апреле 1799 года выполнил опыты над действием закиси азота. В ноябре 1796 года Гумбольдт произвел свои первые наблюдения над электрическим углем, а в марте 1793 года – опыты над раздражительностью органической ткани. В июле 1801 года Гей-Люссак открыл фтористые соединения в костном остове рыб и тогда же окончил анализ квасцов.

В сентябре 1876 года Джаксон употребил серный эфир для приведения больных в бесчувственное состояние при хирургических операциях. В октябре 1840 года Армстронг изобрел первую гидроэлектрическую машину.

Матеуччи сделал в июле 1830 года первые опыты над гальваноскопией лягушек, весной 1836 года – над электрическими скатами, в июле 1837-го – над электровозбудимостью мускулов, в мае 1835 года – над разложением кислот; в мае 1837 года он исследовал роль электричества в метеорологических явлениях, а в июне 1833 года – влияние теплоты на электричество и магнетизм.

Если у читателя достало терпения просмотреть этот длинный список различных открытий, то он мог убедиться, что у многих великих людей была как бы своя специальная хронология, т. е. свои излюбленные месяцы и времена года, в которые они преимущественно обнаруживали склонность делать наибольшее число наблюдений или открытий и создавать лучшие художественные произведения. Так, у Спалланцани эта склонность проявлялась весной, у Джустини и Арканжели – в марте, у Ламартина – в августе, у Каркано, Байрона и Альфьери – в сентябре, у Мальпиги и Шиллера – в июне и июле, у Гюго – в мае, у Беранже – в январе, у Белли – в ноябре, у Милли – в апреле, у Вольты – в конце ноября и в начале декабря, у Гальвани – в апреле, у Гамбарда – в июле, у Петерса – в августе, у Лютера – в марте и в апреле, у Ватсона – в сентябре.

Вообще самые разнообразные произведения гениальных людей – литературные (эстетические), поэтические, музыкальные, скульптурные, а также научные открытия, время создания которых нам удалось узнать с точностью, можно подвести под своего рода хронологию, составив из них как бы календарь духовного мира, как это видно из следующей таблицы:

Месяцы	Произведения по части изящных искусств и литературы	Открытия в области астрономии	Изобретения в области физики, химии и математики	Сумма
Январь	101	37	–	138
Февраль	82	21	1	104
Март	103	45	4	151
Апрель	134	52	5	191
Май	149	35	9	193
Июнь	125	24	4	153
Июль	105	52	5	162
Август	113	42	–	155
Сентябрь	138	47	5	190
Октябрь	83	45	4	132
Ноябрь	103	42	5	150
Декабрь	86	27	2	114

Из этой таблицы мы видим, что для художественного творчества наиболее благоприятным месяцем оказывается май, за ним следуют сентябрь и апрель, тогда как наименее производительными месяцами были февраль, октябрь и декабрь. То же самое заметно отчасти и по отношению к астрономическим открытиям, только для последних преобладающее значение имеют апрель и июль.

Открытия в точных науках, как наибольшее число эстетических работ, а вследствие того и общее число всех произведений, преобладают точно так же в мае, апреле и сентябре, т. е. в течение не особенно жарких месяцев, когда барометрические колебания более часты сравнительно с самыми жаркими и холодными месяцами.

Сгруппировав эти числа по временам года, что даст нам возможность воспользоваться еще некоторыми другими данными относительно работ, сделанных неизвестно в каком именно месяце, мы увидим, что максимум художественных и литературных произведений приходится: на весну, а именно 387; затем следует лето (346) и осень (335), тогда как минимум бывает зимою (280).

Подобным же образом из великих открытий в области физики, химии и математики: наибольшее число было сделано весною, а именно 21; несколько меньшее осенью (15), значительно меньшее летом (9); и наконец, самое ничтожное число зимою (5).

Астрономические открытия, которые мы отделили от предыдущих на том основании, что время, когда они сделаны, известно с большей точностью (что особенно важно для нашей цели), точно так же распределяются неравномерно по временам года: осенью их сделано 135, весною – 131, но зимою значительно меньше – 83; и опять несколько больше летом – 120. Взяв же общее число 1867 великих произведений, мы найдем, что значительно большая часть их приходится на весну (539) и осень (485), тогда как летом число их падает до 475 и зимою – до 368.

Гемфри Дэви (1778–1829)

Преобладание умеренно теплых месяцев здесь вполне очевидно и выражается не только количественно, но даже качественно, хотя в этом смысле еще нельзя сделать вполне точного вывода вследствие малочисленности данных. Несомненно, однако, что именно в весенние месяцы совершилось открытие Америки и были изобретены гальванизм, барометр, телескоп и громоотвод; весною же Микеланджело задумал свою знаменитую картину, Данте начал писать «Божественную комедию», Леонардо – трактат «О тенях и свете», Гёте – своего «Фауста», Кеплер открыл законы движения небесных тел, а Мильтон задумал свою поэму.

Прибавлю еще, что в тех немногих случаях, когда создания великих людей можно проследить почти день за днем, деятельность их зимою постоянно оказывается усиленной в более теплые дни и ослабевающей – в холодные.

Я предвижу, какую массу опровержений вызовут мои обобщения: мне укажут на малочисленность данных и на недостаточную их достоверность, меня укорят за попытку ввести в узкую область статистики и поставить рядом высокие проявления умственного творчества, по-видимому, всего менее поддающиеся логике цифр и не допускающие сравнения между

собой. В особенности же не понравится моя попытка последователям той школы, которая думает ограничиться в статистике одним только употреблением крупных цифр, часто предпочитая их количеству качеству, и *a priori* не допускает пользования ими для каких бы то ни было выводов, забывая, что цифры, в сущности, те же факты, поддающиеся синтезу, подобно всем другим фактам, и что эти цифры, не имея сами по себе никакого значения, не представляли бы ни малейшего интереса, если бы мыслители не пользовались ими для своих обобщений или выводов.

Относительно малочисленности данных я замечу, что при всей недостаточности приведенных мною 1867 фактов они все-таки убедительнее простых гипотез или признаний отдельных авторов, признаний, которым, однако, эти факты нисколько не противоречат и поэтому могут служить если не для неоспоримых, то по крайней мере для приблизительных выводов. Кроме того, они могут вызвать ряд новых, более красноречивых психометеорологических наблюдений, хотя гениальные произведения не настолько многочисленны, чтобы ими легко было наполнить большие таблицы.

С другой стороны, я вполне согласен с тем, что хронологическое совпадение многих явлений обуславливается случайными обстоятельствами, по-видимому, не имеющими ничего общего с нашим психическим состоянием. Так, например, натуралистам всего удобнее производить свои опыты и наблюдения в теплые месяцы. Поэтому обилие открытий, делаемых весной и осенью, является в значительной степени следствием большей равномерности в распределении дней и ночей, большей ясности погоды и отсутствия как изнурительного зноя, так и сильного холода.

Точно так же нельзя не убедиться, что все эти обстоятельства не оказывают безусловного влияния на творческую деятельность. Это видно, например, из того, что хотя у анатомов никогда не бывает недостатка в трупах и работать над ними особенно удобно в зимние холода, тем не менее открытия в этой области делаются преимущественно в теплое время года. Наоборот, длинные, ясные зимние ночи (во время которых всего менее сказывается влияние рефракции) и теплые летние ночи должны бы особенно благоприятствовать астрономическим наблюдениям, а между тем *maximum* их бывает весной и осенью.

Наконец, кому не известно, что благодаря статистическим исследованиям значение случайных обстоятельств оказывается ничтожным даже в таких явлениях, как смерть, самоубийство и рождение. Замечаемую в них правильность можно объяснить только влиянием одной общей причины, которая заключается не в чем ином, как в метеорологических факторах.

Далее я позволил себе соединить в одну группу художественные произведения и естественнонаучные открытия на том основании, что для тех и других одинаково необходим тот момент психического возбуждения и усиленной чувствительности, который сближает между собою самые отдаленные или разнородные факты и придает им жизнь; вообще тот оплодотворяющий момент, справедливо называемый творческим, когда натуралист и поэт стоят гораздо ближе один к другому, чем это казалось бы с первого взгляда. И в самом деле, какая смелая, богатая фантазия, какое творческое воображение проявляются в опытах Спаланцани, в первых работах Гершеля или в двух великих открытиях Скиапарелли и Леверье, сделанных сначала на основании гипотез и впоследствии с помощью вычислений и новых наблюдений превратившихся в аксиомы! Литтров, говоря об открытии Весты, замечает, что оно было сделано не вследствие одной случайности или исключительно только гениального ума, но благодаря гению, которому благоприятствовал случай. Открытую Пиаци звезду гораздо раньше его видел Зах (*Zacch*), но он не обратил на нее внимания, потому ли, что был менее гениален, чем Пацци, или потому, что в эту минуту не обладал такой прозорливостью, как он. Для открытия солнечных пятен не требовалось, по словам Секки, ничего, кроме времени, терпения и удачи, но, чтобы создать верную теорию этого явления, необходим был

истинный гений. Сколько ученых-физиков, переезжая через реку, наблюдали колебание вымпела на барке, и, однако же, вывести из этого законы абберрации удалось только одному Брадлею! – говорит Араго. А сколько людей, – прибавлю я, – видели типичные фигуры носильщиков, и все-таки Иуду не создал никто, кроме Леонарда, как никто из видевших апельсины не написал каватины, за исключением Моцарта.

Более серьезным можно считать то возражение, что почти все произведения великих умов, и в особенности современные открытия в физике, являются не результатом мгновенного вдохновения, а скорее следствием целого ряда непрерывных и медленных изысканий со стороны живших в прежнее время ученых, так что новейший изобретатель есть, в сущности, только компилятор, к трудам которого неприменима хронология, так как приведенные нами числа определяют скорее время окончания того или другого произведения, чем тот момент, когда оно было задумано. Но такого рода возражения относятся не исключительно только к нашей задаче: под ту же категорию можно подвести и почти все остальные проявления человеческой деятельности, даже наименее произвольные.

Оплодотворение, например, и то зависит от хорошего питания организма и от наследственности; самая смерть и сумасшествие лишь, по-видимому, обуславливаются непосредственными или случайными причинами, но в сущности они находятся в полнейшей зависимости, с одной стороны, от атмосферных явлений, а с другой – от органических условий; во многих случаях можно сказать, что смерть и сумасшествие бывают подготовлены заранее, и время наступления их с точностью обозначено в момент самого рождения индивида.

Глава IV. Влияние метеорологических явлений на рождение гениальных людей

Убедившись в громадном влиянии метеорологических явлений на творческую деятельность гениальных людей, мы легко поймем, что и на рождение их климат и строение почвы должны также оказывать могущественное действие.

Несомненно, что раса (например, в латинской и греческой расе больше великих людей, чем в других), политические движения, свобода мысли и слова, богатство страны, наконец, близость литературных центров – все это оказывает большое влияние на появление гениальных людей, но несомненно также, что не меньшее значение имеют в этом отношении температура и климат.

Чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть и сравнить отчеты о рекрутских наборах в Италии за последние годы. Из этих отчетов видно, что к областям, дающим, очевидно, благодаря своему прекрасному климату, хотя и независимо от влияния национальности, наибольшее число солдат высокого роста и наименьший процент бракованных, принадлежат именно те, в которых всегда было много даровитых людей, как, например, Тоскана, Лигурия и Романья.

Напротив, в тех провинциях, где процент молодых людей высокого роста, годных к военной службе, меньше – Сардиния, Базиликата и Аостская долина, – число гениальных личностей заметно понижается. Исключение составляют лишь Калабрия и Вальтеллина, где даровитые люди не редки, несмотря на низкий рост большинства населения, но это замечается только в местностях, открытых с юга или лежащих на возвышенности, вследствие чего там не развиваются ни кретинизм, ни малярия, так что этот факт нисколько не противоречит высказанному нами положению.

Уже издавна замечено было как простонародьем, так и учеными, что в гористых странах с теплым климатом особенно много бывает гениальных людей. Народная тосканская поговорка гласит: «У горцев ноги толстые, а мозги нежные». Веджецио писал: «Климат влияет не только на физическое, но и на душевное здоровье; Минерва избрала своим местопребыванием город Афины за его благорастворенный воздух, вследствие чего там рождаются мудрецы». Цицерон тоже не раз упоминает о том, что в Афинах благодаря теплоту климату рождаются умные люди, а в Фивах, где климат суровый, – глупые. Петрарка, в своем *Epistolario*, составляющем нечто вроде автобиографии этого поэта, постоянно указывает на то, что лучшие из его произведений были написаны или, по крайней мере, задуманы посреди излюбленных им прелестных холмов Валь-Киуза.

По свидетельству Вазари, Микеланджело говорил ему: «Если мне удалось создать что-нибудь действительно хорошее, то я обязан этим чудному воздуху вашего родного Ареццо». Муратори писал одному итальянцу: «Воздух у нас удивительный, и я уверен, что именно благодаря ему в нашей стране столько замечательно даровитых людей». Маколей говорит, что Шотландия, одна из беднейших стран Европы, занимает в ней первое место по числу ученых и писателей; ей принадлежат: Беда, Михаил Скотт, Непер – изобретатель логарифмов, затем Буханан, Вальтер Скотт, Байрон, Джонстон и отчасти Ньютон.

Без сомнения, именно в этом влиянии атмосферных явлений следует искать объяснения того факта, что в горах Тосканы, преимущественно в провинциях Пистойи, Бути и Вальдонтани, между пастухами и крестьянами встречается столько поэтов и в особенности импровизаторов, в том числе есть даже и женщины, как, например, пастушка, о которой говорит Джульяни в своем сочинении «О языке, на котором говорят в Тоскане», или необыкновенная семья Фреддани, где и дед, и отец, и сыновья – все поэты. Один из членов этой

семьи жив еще до сих пор и сочиняет стихи не хуже великих тосканских поэтов прежнего времени. Между тем крестьяне той же национальности, живущие на равнинах, не отличаются, насколько мне известно, такими талантами.

Во всех низменных странах, как, например, в Бельгии и Голландии, а также в окруженных слишком высокими горами местностях, где вследствие этого развиваются местные болезни – зоб и кретинизм, как, например, в Швейцарии и Савойе, – гениальные люди чрезвычайно редки, но еще меньше бывает их в странах сырых и болотистых. Немногие гении, которыми гордится Швейцария, – Бонне, Руссо, Тронкин (*Tronchin*), Тиссо, де Кандоль и Бурламаки – родились от французских или итальянских эмигрантов, т. е. при таких условиях, когда раса могла парализовать влияние местных неблагоприятных условий.

Урбино, Пезаро, Форли, Комо, Парма дали больше знаменитых гениальных людей, чем Пиза, Падуа и Павия – древнейшие из университетских городов Италии, где, однако, не было ни Рафаэля, ни Браманте, ни Россини, ни Морганьи, ни Спалланцани, ни Мураторно, ни Фаллопия, ни Вольта – уроженцев пяти первых городов.

Переходя затем от общих к более частным примерам, мы убедимся, что Флоренция, где климат очень мягок, а почва чрезвычайно холмиста, доставила Италии самую блестящую плеяду великих людей. Данте, Джотто, Макиавелли, Люлли, Леонардо, Брунеллески, Гвиччардини, Челлини, Беато Анджелико, Андрея дель Сарто, Николини, Каппони, Веспуччи, Вивиани, Боккаччо, Альберти и Донати – вот главные имена, которыми имеет право гордиться этот город.

Напротив, Пиза, находящаяся в научном отношении как университетский город в не менее благоприятных условиях, чем Флоренция, дала сравнительно с нею даже значительно меньшее число выдающихся генералов и политиков, что и было причиной ее падения, несмотря на помощь сильных союзников. Из великих же людей Пизе принадлежит только Никколо Пизано, Джиунта и Галилей, родители которого были, однако, флорентийцы. А между тем Пиза отличается от Флоренции единственно своим низменным местоположением.

Наконец, какое богатство гениальными людьми представляет гористая провинция Ареццо, где родились Микеланджело, Петрарка, Гвидо Рени, Реди, Вазари и трое Аретино. Далее, сколько даровитых личностей были родом из Асти (Альфьери, Оджеро, С. Бруноне, Белли, Натта, Гвальтиери, Котта, Солари, Алионе, Джорджо и Вентура) и раскинувшегося на холмах Турина (Роланд, Калюза, Джиоберти, Бальбо, Беретта, Марокетти, Лагранж, Божино и Кавур).

В гористых частях Ломбардии и в приозерных местностях Бергамо, Бреши и Комо число великих людей точно так же гораздо значительнее, чем в низменных. В первых мы встречаем имена Тассо, Маскерони, Доницетти, Тарталья, Угони, Вольта, Парини, Анпини, Май, Плиния, Каньола и др., тогда как в низменной Ломбардии едва можно насчитать шесть таких имен – Альчиато, Беккариа, Ориани, Кавальери, Азелли и Бокачини. Холмистая Верона произвела Маффеи, Паоло Веронезе, Катулла, Фракасторо, Бьянкини, Саммикепли, Тирабоски, Лорнья, Пиндемонте; богатая же и ученейшая Падуа, лишь кое-где представляющая несколько освещенных солнцем холмов, дала Италии только Тита Ливия, Чезаротти, Петра д'Абано и немногих других.

Если низменная область Реджио может похвалиться такими знаменитостями из своих уроженцев, как Спалланцани, Ариосто, Корреджо, Секки, Нобили, Валлиснери, Божардо, то она отчасти обязана этим встречающимся в ней озаренным солнцем холмам; трое последних из этой плеяды родились именно в холмистом Скандиано; Генуя и Неаполь, находящиеся в особенно благоприятных условиях (теплый климат, близость моря и гористое местоположение) могут быть поставлены наравне с Флоренцией, если не по числу своих гениальных

уроженцев, то по их значению; здесь родились Колумб, Дориа, Вико, Караччиоло, Перголезе, Женевези, Чирило, Филанджери и пр.

Далее интересно проследить, какое влияние оказывает умеренно теплый климат, особенно если к нему присоединяются еще и национальные качества, на развитие музыкальных талантов. Просматривая сочинение Клемана «Знаменитые музыканты» (*Clément. Les Musiciens célèbres*. 1868), я нашел, что из 110 великих композиторов 36, т. е. более трети, принадлежит Италии и что 19 или более половины этих последних – уроженцы Сицилии (Скарлатти, Пачини, Беллини) и Неаполя с его окрестностями. Такое явление, очевидно, обусловливается влиянием греческой расы и теплого климата. К неаполитанцам принадлежат Жомелли, Страделла, Пиччинни, Лео, Дуни, Саккини, Карафа, Паизиелло, Чимароза, Цингарелли, Меркаданте, Траэтта, Дуранте, двое Риччи и Петрелла. Из остальных 17 музыкантов лишь немногие могут считать своей родиной Верхнюю Италию: Доницетти, Верди, Аллегри, Фрескобальди, двое Монтеверди, Сальери, Марчело и Паганини. Последние трое – уроженцы приморских местностей; все же остальные родом из Центральной Италии, в Риме родились Палестрина и Клементи, в Перуджино и Флоренции – Спонтини, Люлли, Перголезе.

Громадное значение климата и почвы сказывается не только по отношению к выдающимся артистам во всех родах искусства, но даже и по отношению к наименее знаменитым из них. Я убедился в этом, составив при содействии почтенного профессора Кунье карту Италии с указанием распространения в ней живописцев, скульпторов и музыкантов за два последних столетия, причем с удивительной правильностью выразилось преобладающее число художников в гористых, жарких провинциях Средней Италии, каковы Флоренция и Болонья, и приморских – Венеция, Неаполь, Генуя.

Косвенное влияние окружающей природы на рождение гениальных людей представляет некоторую аналогию с влиянием ее на развитие умопомешательства. Общеизвестный факт, что в гористых странах жители более подвержены сумасшествию, чем в низменных, подтвержден вполне психиатрической статистикой. Кроме того, новейшие наблюдения доказывают, что эпидемическое безумие встречается гораздо чаще в горах, чем в долинах. Припомните возникшие уже в недавние годы и на наших глазах психические эпидемии в Монте Амиата (Лазаретти), в Буска и Черногории. Не следует также забывать, что холмы Иудеи были колыбелью многих пророков и что в горах Шотландии появились люди, одаренные ясновидением (*Seconda Vista*); те и другие принадлежат к числу гениальных безумцев и полупомешанных прорицателей.

Глава V. Влияние расы и наследственности на гениальность и помешательство

Аналогичность влияния атмосферных явлений на гениальных людей и на помешанных будет еще заметнее, если мы рассмотрим ее вместе с влиянием расы.

Прекрасный пример в этом отношении представляют нам евреи. В своих монографиях *Uomo bianco e l'uomo di colore* и *Pensiero e Météore* я уже указал на тот факт, что вследствие испытанных евреями в средние века жестоких преследований (результатом чего явились истребления слабых индивидов, т. е. своего рода подбор), а также вследствие умеренного климата европейские евреи достигли такой степени умственного развития, что, пожалуй, даже опередили арийское племя, тогда как в Африке и на Востоке они остались на том же низком уровне культуры, как и остальные семиты. Кроме того, статистические данные показывают, что среди евреев даже более распространено общее образование, чем среди других наций⁹, что они занимают выдающееся положение не только в торговле, но и во многих других родах деятельности, например в музыке, журналистике, литературе, особенно сатирической и юмористической, и в некоторых отраслях медицины. Так, в музыке евреям принадлежат такие гении, как Мейербер, Галеви, Гузиков, Мендельсон и Оффенбах; в юмористической литературе: Гейне, Сафир, Камерини, Ревере, Калисс, Якобсон, Юнг, Вейль, Фортис и Гозлан; в изящной словесности: Ауэрбах, Комперт и Агиляр; в лингвистике: Асколи, Мунк, Фиорентино, Луццато и др.; в медицине: Валентин, Герман, Гайденагайн, Шифф, Каспер, Гиршфельд, Штиллинг, Глугер, Лауренс, Траубе, Френкель, Кун, Конгейм и Гирш; в философии: Спиноза, Зоммергаузен и Мендельсон, а в социологии: Лассаль и Маркс. Даже в математике, к которой семиты вообще малоспособны, можно указать из числа евреев на таких выдающихся специалистов, как Гольдшмидт, Веер и Маркус.

Следует еще заметить, что почти все гениальные люди еврейского происхождения обнаруживали большую склонность к созданию новых систем, к изменению социального строя общества; в политических науках они являлись революционерами, в теологии – основателями новых вероучений, так что евреям, в сущности, обязаны если не своим происхождением, то по крайней мере своим развитием, с одной стороны, нигилизм и социализм, а с другой – христианство и мозаизм, точно так же как в торговле они первые ввели векселя, в философии – позитивизм, а в литературе – неогуморизм (*neo-umorismo*). И в то же время именно среди евреев встречаются четверо и даже пятеро больше помешанных, чем среди их сограждан, принадлежащих к другим национальностям.

Известный ученый Серви вычислил, что в Италии в 1869 году один сумасшедший приходился на 391 еврея, т. е. почти четверо больше, чем среди католиков. То же самое подтвердил в 1869 году Верга, по вычислениям которого процент помешанных между евреями оказался еще значительнее. Так, среди католиков приходится 1 сумасшедший на 1775 человек, среди протестантов – на 1725 человек, среди евреев – на 384 человек. Тиггес (*Tigges*), изучивший более 3100 душевнобольных, говорит в своей статистике помешательства в Вест-фалии, что оно распространяется среди ее населения в такой пропорции: от 1 до 8 на 7000 жителей между евреями; от 1 до 11 на 14 000 между католиками; от 1 до 13 на 14 000 между лютеранами. Наконец, для 1871 года Майр нашел число помешанных: в Пруссии – 8,7 на 40 000 христиан и 14,1 на 10 000 евреев; в Баварии 9,8 и 25,2 [соответственно]; во всей Германии 8,6 и 16,1 [соответственно].

⁹ В 1861 году в Италии было 645 человек неграмотных на 1000 католиков и только 58 – на 1000 евреев.

Как видите, это – поразительно большая пропорция, особенно если принять во внимание, что хотя в еврейском населении и много стариков, чаще всего подвергающихся помешательству от старости, но зато чрезвычайно мало алкоголиков.

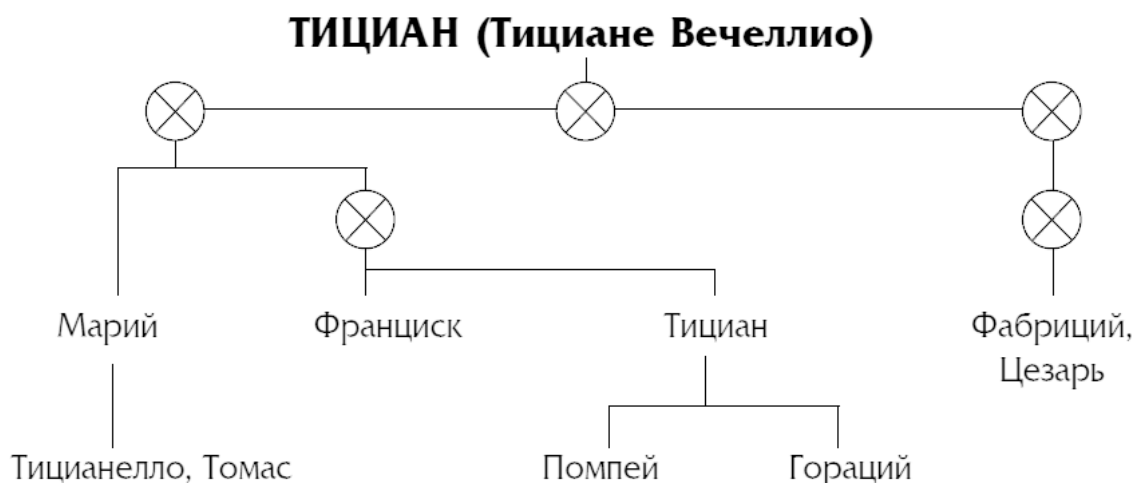
Такая роковая привилегия еврейской расы осталась, однако, незамеченной со стороны антисемитов, составляющих язву современной Германии. Если бы они обратили внимание на этот факт, то, конечно, не стали бы так негодовать на успехи, делаемые несчастной еврейской расой, и поняли бы, как дорого приходится евреям расплачиваться за свое умственное превосходство даже в наше время, не говоря уже о бедствиях, испытанных ими в прошлом. Впрочем, вряд ли евреи были более несчастливы, чем теперь, когда они подвергаются преследованиям именно за то, что составляет их славу.

Значение расы в развитии гениальности, а также и помешательства видно из того, что как то, так и другое почти совершенно не зависит от воспитания, тогда как наследственность оказывает на них громадное влияние.

«Посредством воспитания можно заставить плясать медведей, – говорит Гельвеций¹⁰, – но нельзя выработать гениального человека».

Несомненно, что помешательство лишь в редких случаях является следствием дурного воспитания, тогда как влияние наследственности в этом случае так велико, что доходит до 88 на 100 по вычислениям Тиггеса и до 85 на 100 по вычислениям Гольджи. Что же касается гениальности, то Гальтон и Рибо (*De l'Hérédité*, 1878) считают ее всего чаще результатом наследственных способностей, особенно в музыкальном искусстве, дающем такой громадный процент помешанных. Так, среди музыкантов замечательными дарованиями отличались сыновья Палестрины, Бенды, Дюссека, Гиллера, Моцарта, Эйхгорна; семейство Бахов дало 8 поколений музыкантов, из которых 57 человек пользовались известностью.

Между живописцами мы встречаем наследственные таланты у фон дер Вельда, Ван Эйка, Мурильо, Веронези, Беллини, Карраччи, Корреджо, Миерис (*Mieris*), Бассано, Тинторетто, а также в семье Кальяри, состоявшей из дяди, отца и сына, и особенно в семье Тициана, давшей целый ряд живописцев, как это видно из приложенной ниже родословной таблицы, заимствованной мною из неисчерпаемого источника сведений по этой части – из книги Рибо *De l'Hérédité*.

¹⁰ Просматривая биографии даровитых людей, мы находим только один случай, когда родители не только не противодействовали поэтическим склонностям своего сына, но всеми способами развивали и поддерживали их: это были родители Шапелена, пользующегося дурной славой творца *Pucelle*.

Между поэтами можно указать на Эсхила, у которого два сына и племянники были также поэты; Свифта – племянника Драйдена; Лукана – племянника Сенеки, Тассо – сына Бернарда; Ариосто, брат и племянник которого были поэты; Аристофана с двумя сыновьями, тоже писавшими комедии; Корнеля, Расина, Софокла, Кольриджа, сыновья и племянники которых обладали поэтическим талантом.

Из натуралистов составили себе известность члены семейств: Дарвина, Эйлера, Декан-доля, Гука, Гершеля, Жюсье, Жоффруа, Сент-Илера. Сыновья самого Аристотеля (отец которого был ученый-медик), Никомах и Каллисфен, а также племянники его известны своей ученостью.

Сын астронома Кассини был тоже знаменитым астрономом, племянник его 22 лет уже сделался членом Академии наук, внучатый племянник – директором обсерватории, а правнучатый племянник составил себе известность как натуралист и филолог. Затем вот генеалогическая таблица Бернулли, начиная с Якова.

Все они составили себе имя в той или другой отрасли естественных наук.

Еще в 1829 году один из Бернулли был известен как химик, а в 1863 году умер другой член той же семьи – Христофор Бернулли, занимавший должность профессора естественных наук в Базеле.

Гальтон, часто смешивающий талантливость с гениальностью (недостаток, от которого и я не всегда мог отделаться), говорит в своем прекрасном исследовании, что шансы родственников знаменитых людей, сделавшихся или имеющих сделаться выдающимися, относятся как 15,5:100 – для отцов; 13,5:100 – для братьев; 24:100 – для сыновей. Или же, если придать этим, равно как и остальным, отношениям более удобную форму, мы получим следующие результаты.

В первой степени родства: шансы отца – 1:6; шансы каждого брата – 1:7; каждого сына – 1:4. Во второй степени: шансы каждого деда – 1:25, каждого дяди – 1:40, каждого внука – 1:29. В третьей степени: шансы каждого члена приблизительно 1:200, за исключением двоюродных братьев, для которых – 1:100.

Это значит, что из шести случаев в одном отец знаменитого человека есть, вероятно, и сам человек выдающийся, в одном случае из семи брат знаменитого человека также отличается выдающимися способностями, в одном случае из четырех сын наследует выдающиеся над общим уровнем свойства отца и т. д.

Чарлз Роберт Дарвин (1809–1882)

Впрочем, цифры эти, в свою очередь, сильно изменяются, смотря по тому, применяем ли мы их к гениальным артистам, дипломатам, воинам и пр. Тем не менее даже эти громадные цифры не могут дать нам новых доказательств в пользу полной аналогии между влиянием наследственности на развитие гениальности и помешательства, потому что последнее проявляется, к сожалению, с гораздо большей силой и напряженностью, чем первое (как 48:80).

Далее, хотя закон, выведенный Гальтоном, вполне верен относительно судей и государственных людей, но зато под него совсем не подходят артисты и поэты, у которых влияние наследственности с чрезвычайной силой отражается на братьях, сыновьях и в особен-

ности на племянниках, тогда как в дедах и дядях оно менее заметно. Вообще это влияние сказывается в передаче помешательства вдвое сильнее и напряженнее, чем в передаче гениальных способностей, и притом почти в одинаковой степени для обоих полов, тогда как у гениев наследственные черты переходят к потомкам мужского пола в пропорции 70:30 сравнительно с потомками женского пола¹¹. Далее, большинство гениальных людей не передают своих качеств потомкам еще и потому, что остаются бездетными¹², вследствие вырождения, подобно тому как мы видим это в аристократических семействах¹³.

Наконец, за немногими исключениями, вроде фамилий Дарвина, Бернулли, Кассини, Сент-Илера и Гершеля, какую ничтожную часть своих дарований и талантов передавали обыкновенно гениальные люди своим потомкам и как еще преувеличивались эти дарования благодаря обаянию имени славного предка. Что значит, например, Тицианелло в сравнении с Тицианом, какой-нибудь Никомах – с Аристотелем, Гораций Ариосто – с его дядей, великим поэтом, или скромный профессор Христофор Бернулли рядом с его знаменитым предком Якобом Бернулли!

Помешательство, напротив, всего чаще передается по наследству все, целиком... Мало того, оно как будто даже усиливается с каждым новым поколением. Случаи наследственного умопомешательства у всех сыновей и племянников – нередко в той самой форме, как у отца или дяди, – встречаются на каждом шагу. Так, например, все потомки одного знатного гамбургца, причисляемого к великим военным гениям, сходили с ума по достижении ими 40-летнего возраста; наконец в живых остался только один член этой несчастной семьи, состоявший на государственной службе, и сенат запретил ему жениться. В 40 лет он тоже помешался. Рибо рассказывает, что в Коннектикутскую больницу для умалишенных последовательно поступали 11 членов одной и той же семьи.

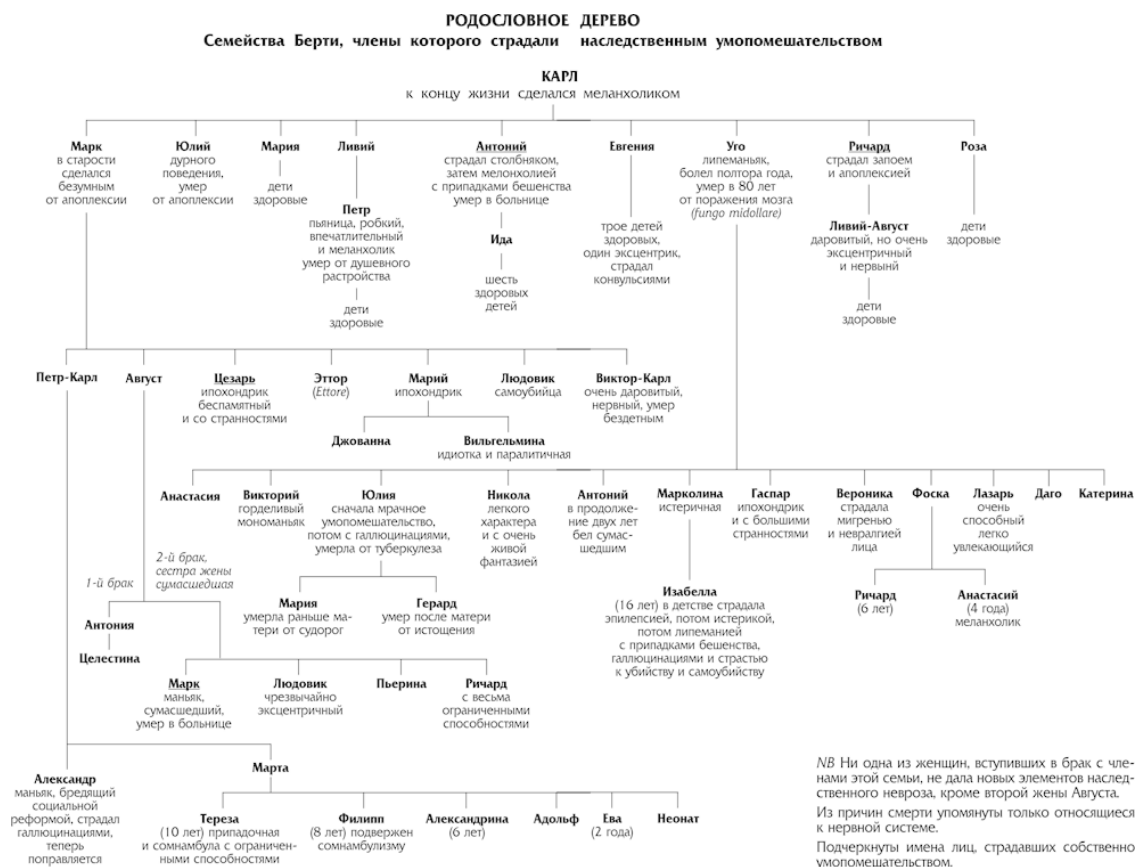
Затем вот еще история семьи одного часовщика, сошедшего с ума вследствие ужасов революции 1789 года и потом выздоровевшего: сам он отравился, дочь его помешалась и окончательно сошла с ума, один брат вонзил себе нож в живот, другой начал пить и умер от белой горячки, третий перестал принимать пищу и умер от истощения; у здоровой сестры его один сын был помешанный и эпилептик, другой не брал груди, двое маленьких умерли от воспаления мозга и дочь, тоже страдавшая умопомешательством, отказалась принимать пищу.

Наконец, самое неоспоримое доказательство в пользу нашей теории представляет прилагаемое родословное дерево семьи Берти давшей несравненно большее число помешанных, чем семья знаменитого Тициана дала гениальных живописцев (см. родословное дерево).

¹¹ По статическим сведениям 1861 г., во Франции на 1000 человек помешанных обоего пола, из 264 человек мужского пола и 266 женского наследовали эту болезнь: из первых 128 от отца, 110 от матери, 26 от обоих родителей; из вторых 100 от отца, 139 от матери, 36 от обоих родителей (*Ribot*).

¹² Шопенгауэр, Декарт, Лейбниц, Мальбранш, Конт, Кант, Спиноза, Микеланджело, Ньютон, Фосколо, Альфьери, Ласаль, Гоголь, Лермонтов, Тургенев остались холостыми, а из женатых многие великие люди были несчастливы в супружестве, например Сократ, Шекспир, Данте, Байрон, Пушкин, Мароццо.

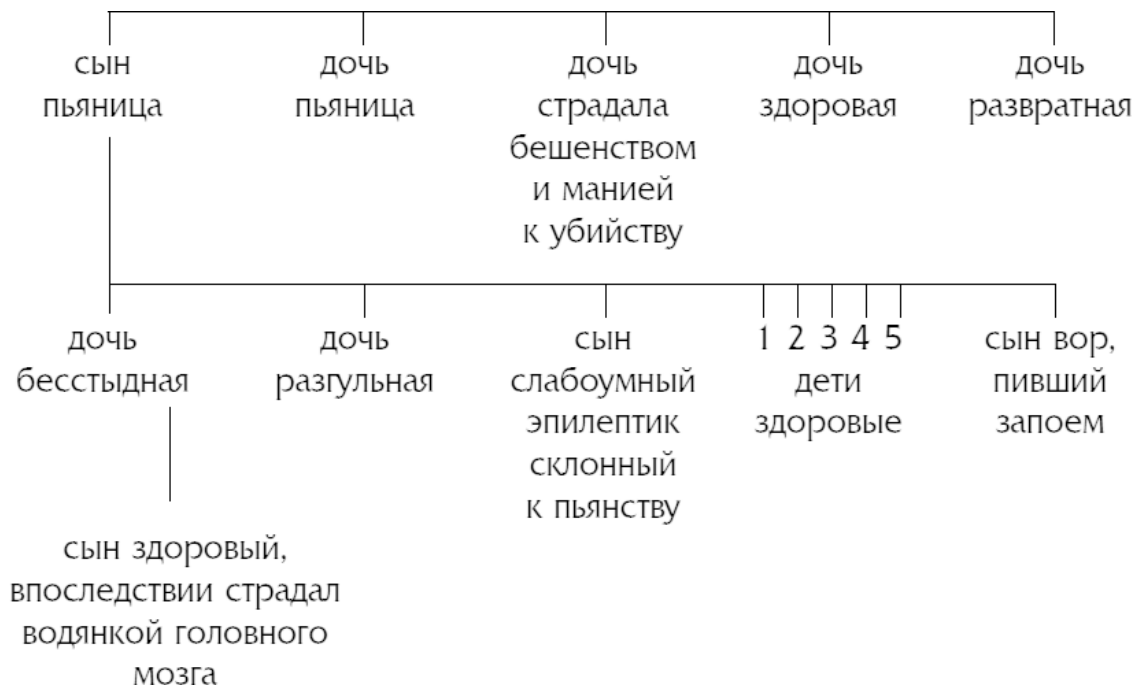
¹³ Гальтон сам указывает на то, что из числа 31 пары, возведенного в это достоинство в конце царствования Георга IV, 12 фамилий прекратились совершенно, и преимущественно те, члены которых женились на знатных наследниках. Из 487 семейств, причисленных к бернской буржуазии, с 1583 по 1654 год, к 1783 году остались в живых только 168; точно так же из 112 членов Общинного Совета в 1615 году остались 58. При виде гранда Испании, говорит Рибо, можно с уверенностью сказать, что видишь перед собою вырожденка. Почти все французское, а также итальянское дворянство сделалось теперь слепым орудием духовенства, что составляет не последнюю причину непрочности итальянских учреждений. А в числе правителей (королей) Европы как мало таких, которые походили бы на своих знаменитых когда-то предков и наследовали бы от них что-нибудь кроме трона да обаяния некогда славного имени!

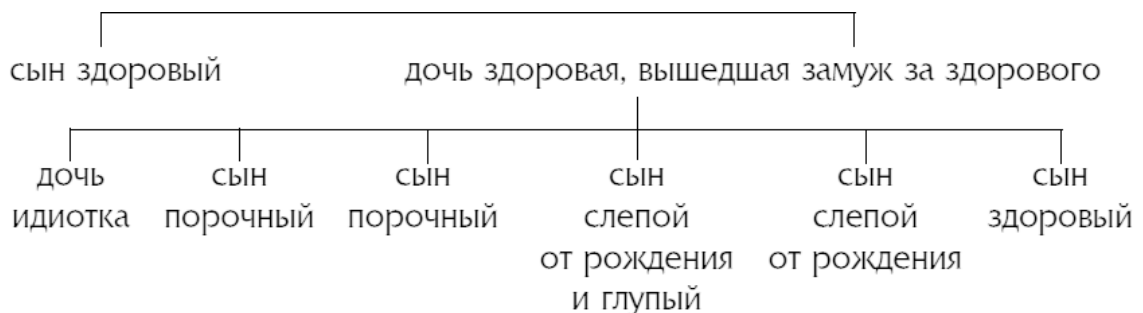
Из этой любопытной генеалогической таблицы видно, что в четырех поколениях из 80 потомков одного помешанного меланхолика 10 человек сошли с ума и почти все страдали той же самой формой психического расстройства – меланхолией, а 19 человек – нервными болезнями, следовательно, 36 %. Кроме того, мы замечаем, что болезнь все более развивалась в последующих поколениях, захватывая самый нежный возраст и проявляясь с особенной силой в мужской линии, где помешательство явилось уже в первом поколении, тогда как в женской линии – только в 3-м и в пропорции едва лишь 1:4. В 1-м и 4-м колене помешанных и нервных много во всех семьях во 2-м колене, напротив, преобладают здоровые члены, которые встречаются и в 3-м, а затем уже страшная болезнь охватывает все большее число жертв, имеющих ту или другую форму душевных страданий. Вряд ли у гениальных людей найдется семья настолько же плодovitая и в такой же степени испытывавшая на себе роковое, прогрессивно возрастающее влияние наследственности. Но есть случаи, когда это влияние проявляется еще с большею силою, что особенно заметно по отношению к алкоголикам (помешанным от пьянства). Так, например, от одного родоначальника пьяницы Макса Юке произошли в течение 75 лет 200 человек воров и убийц, 280 несчастных, страдавших слепотой, идиотизмом, чахоткой, 90 проституток и 300 детей, преждевременно умерших, так что вся эта семья стоила государству, считая убытки и расходы, более миллиона долларов.

И это далеко не единичный факт. Напротив, в современных медицинских исследованиях можно встретить примеры еще более поразительные. Тарге в своей книге «О наследственности алкоголизма» приводит несколько подобных случаев. Так, он рассказывает, что четыре брата Дюфе были подвержены несчастной страсти к вину, очевидно вследствие влияния наследственности; старший из них бросился в воду и утонул, второй повесился, третий перерезал себе горло и четвертый бросился вниз с третьего этажа. У Тарге мы заимствуем и еще несколько фактов в том же роде.

Некто Р. имел от здоровой жены такое потомство:

У некоего П.С., умершего от размягчения мозга вследствие пьянства, и жены его, умершей от брюшной водянки, тоже, может быть, вызванной пьянством, были дети:

Один пьяница, женатый на развратной женщине, имел:

Сына-чудака и оригинала, умершего от белой горячки,

и сына до такой степени трусливого, что от убегал даже при виде ножниц и потом сошел с ума; дети его:

один сын умер молодым

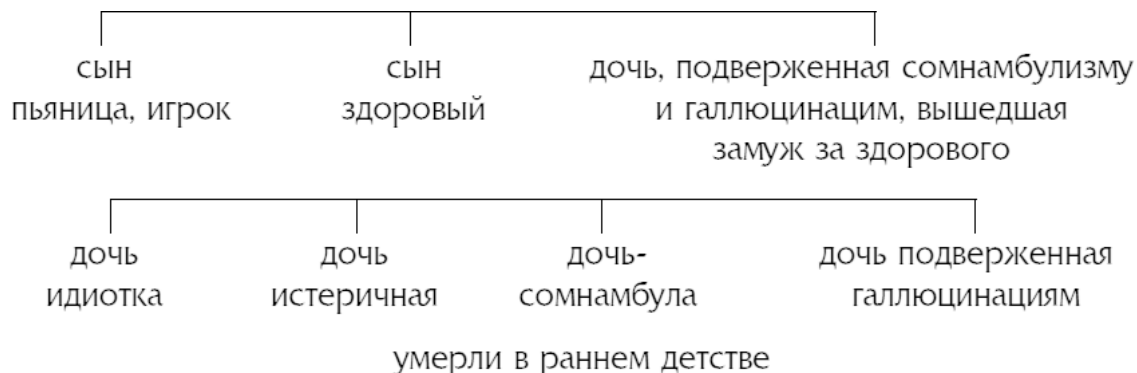
сын здоровый

сын, страдавший водянкой мозга

Эти примеры доказывают, что в алкоголизме легко возможен атавизм – скачок назад через одно поколение, так что дети пьяниц остаются здоровыми, а болезнь отражается на внуках.

Вот еще последний пример.

У пьяницы Л.Берт, умершего от апоплексии, был один только сын, тоже пьяница, у которого родились дети:

Морель сообщает об одном пьянице, у которого было семеро детей, что один из них сошел с ума двадцати двух лет, другой был идиот, две умерли в детстве, 5-й был чудаки и мизантроп, 6-я – истеричная, 7-й – хороший работник, но страдал расстройством нервов. Из 16 детей другого пьяницы 15 умерли в детстве, а последний, оставшийся в живых, был эпилептик.

Иногда у людей, находящихся, по-видимому, в здравом уме, помешательство проявляется отдельными чудовищными, безумными поступками.

Так, один судья, немец, выстрелом из револьвера убил свою долгое время хворавшую жену и уверял потом, что поступил так из любви к ней, желая избавить ее от страданий, причиняемых болезнью: он был убежден, что не сделал ничего дурного, и пытался покончить таким же образом со своей матерью, когда она заболела. Эксперты долгое время колебались, считать ли этого человека душевнобольным, и пришли к заключению о его умопомешательстве на основании того, что дед и отец у него были пьяницы.

Не только пьянство запоем, но вообще употребление спиртных напитков приводит к ужасным последствиям... Флеминг и Демол доказали, что не одни пьяницы передают своим детям склонность к помешательству и преступлениям, но что даже совершенно трезвые мужчины, находившиеся в момент совокупления под влиянием винных паров, порождали детей – эпилептиков, паралитиков, помешанных, идиотов и главным образом микроцефалов или слабоумных, весьма легко терявших рассудок¹⁴. Таким образом, какая-нибудь лишняя рюмка вина может сделаться причиной величайших бедствий для многих поколений.

Какая же тут возможна аналогия в сравнении с редкой и почти всегда неполной передачей гениальных способностей даже ближайшему потомству? Правда, роковое сходство между сумасшествием и гениальностью в этом случае менее заметно, но зато именно закон наследственности обнаруживает тесную связь между ними в том факте, что у многих помешанных родственники обладают гениальными способностями и что у громадного большинства даровитых людей дети и родные бывают эпилептиками, идиотами, маньяками и наоборот, в чем читатель может убедиться, просмотрев еще раз родословное дерево семейства Берти.

¹⁴ Флеммингу и Деме удалось констатировать 5 происшедших подобным образом случаев эпилепсии, 2 случая сумасшествия, 2 – общего паралича, 1 – идиотизма и множество случаев микроцефализма, как результат наследственного алкоголизма, вполне понятно, если припомнить те изменения, какие всегда являются в мозгу каждого пьяницы, например атрофия и мозговой склероз (развитие соединительной ткани).

Но еще поучительнее в этом отношении биографии великих людей. Отец Фридриха Великого и мать Джонсона были помешанные, сын Петра Великого был пьяница и маньяк; сестра Ришелье воображала, что у нее спина стеклянная, а сестра Гегеля – что она превратилась в почтовую сумку; сестра Николини считала себя осужденной на вечные муки за еретические убеждения своего брата и несколько раз пыталась ранить его. Сестра Ламба убила в припадке бешенства свою мать; у Карла V мать страдала меланхолией и умопомешательством, у Циммермана брат был помешанный; у Бетховена отец был пьяница; у Байрона мать – помешанная, отец бесстыдный развратник, дед – знаменитый мореплаватель; поэтому Рибо имел полное право сказать о Байроне, что «эксцентричность его характера может быть вполне оправдана наследственностью, так как он происходил от предков, обладавших всеми пороками, которые способны нарушить гармоническое развитие характера и отнять все качества, необходимые для семейного счастья». Дядя и дед Шопенгауэра были помешанные, отец же был чудаком и впоследствии сделался самоубийцей. У Кернера сестра страдала меланхолией, а дети были помешанные и подвержены сомнамбулизму. Точно так же расстройством умственных способностей страдали: Карлини, Меркаданте, Доницетти, Вольта; у Манцони помешанными были сыновья, у Вильмена – отец и братья, у Конта – сестра, у Пертикари и Пуччинотти – братья. Дед и брат д'Азелио отличались такими странностями, что о них говорил весь Турин.

Прусская статистика 1877 года насчитывает на 10 676 помешанных 6369 человек, в сумасшествии которых явно выразилось влияние наследственности.

Влияние наследственности в помешательстве гораздо чаще встречается у гениальных людей, нежели у самоубийц или преступников, и что оно лишь вдвое-втрое сильнее у пьяниц. Из 22 случаев наследственного помешательства Обанель и Торе констатировали два случая, когда этой болезнью страдали дети гениальных людей.

Глава VI. Гениальные люди, страдавшие умопомешательством: Гаррингтон, Болиан, Кодацци, Ампер, Кент, Шуман, Тассо, Кардано, Свифт, Ньютон, Руссо, Ленау, Сечени, Шопенгауэр

Приведенные здесь примеры аналогичности сумасшествия с гениальностью если и не могут служить доказательством полного сходства их между собою, то по крайней мере убеждают нас в том, что первое не исключает присутствия второй в одном и том же субъекте, и объясняют нам, почему это является возможным.

В самом деле, не говоря уже о многих гениях, страдавших галлюцинациями более или менее продолжительное время, как Андраль, Челлини, Гёте, Гоббс, Грасси, или потерявших рассудок в конце своей славной жизни, как, например, Вико и другие, немалое число гениальных людей было в то же время и мономаньяками или всю жизнь находились под влиянием галлюцинаций. Вот несколько примеров такого совпадения.

Мотанус (*Motanus*), всегда жаждавший уединения и отличавшийся странностями, кончил тем, что считал себя превратившимся в ячменное зерно, вследствие чего не хотел выходить на улицу из боязни, чтобы его не склевали птицы. Друг Люлли постоянно говорил о нем в его оправдание: «Не обращайтесь на него внимания, он обладает здравым смыслом, он всецело – гений». Гаррингтон воображал, что мысли вылетают у него изо рта в виде пчел и птиц, и прятался в беседку с метлой в руке, чтобы разгонять их. Галлер, считая себя гонимым людьми и проклятым от Бога за свою порочность, а также за свои еретические сочинения, испытывал такой ужасный страх, что мог избавляться от него только громадными приемами опия и беседой со священниками. Ампер сжег свой трактат о «Будущности химии» на том основании, что он написан по внушению сатаны. Мендельсон страдал меланхолией. Латре в старости сошел с ума. Великий голландский живописец Ван Гог думал, что он одержим бесом.

Уже в наше время сошли с ума Фарини, Бругэм, Соути, Гуно, Говоне, Гуцков, Монж, Фуркруа, Лойд, Купер, Роккиа, Риччи, Феничия, Энгель, Перголези, Нерваль, Батюшков, Мюрже, Б.Коллинз, Технер, Гольдерлин, Фон дер Вест, Галло, Спедальери, Беллинжери, Сальери, физиолог Мюллер, Ленц, Барбара, Фюзели, Петерман, живописец Вит Гамильтон, По, Улих (*Uhliche*), а также, пожалуй, Мюссе и Боделен. Знаменитый живописец Фон Лейден воображал себя отравленным и последние годы своей жизни провел не вставая с постели. Карл Дольче, религиозный липеманьяк (липемания – мрачное помешательство), дает наконец обет брать только священные сюжеты для своих картин и посвящает свою кисть Мадонне, но потом для изображения ее пишет портрет со своей невесты – Бальдуини. В день своей свадьбы он исчез, и после долгих поисков его нашли распростертым перед алтарем Богоматери.

Томмазо Лойд, автор прелестнейших стихотворений, представляет в своем характере странное сочетание злости, гордости, гениальности и психического расстройства. Когда стихи выходили у него не совсем удачными, он опускал их в стакан с водой, «чтобы очистить их», как он выражался. Все, что случалось ему найти в своих карманах или что попадалось ему под руки, – все равно, была ли это бумага, уголь, камень, табак, – он имел обыкновение примешивать к пище и уверял, что уголь очищает его, камень минерализирует и пр.

Гоббс, материалист Гоббс, не мог остаться в темной комнате без того, чтобы ему тотчас же не начали представляться привидения. Поэт Гольдерлин, почти всю жизнь страдавший умопомешательством, убил себя в припадке меланхолии в 1835 году. Моцарт был убежден,

что итальянцы собираются отравить его. Мольтер часто страдал припадками сильной меланхолии. Россини (двоюродный брат которого, идиот, страстно любящий музыку, жив еще и до сих пор) сделался в 1848 году настоящим липеманьяком вследствие огорчения от невыгодной для себя покупки дворца. Он вообразил, что теперь его ожидает нищета, что ему даже придется просить милостыню и что умственные способности оставили его; в этом состоянии он не только утратил способность писать музыкальные произведения, но даже не мог слышать разговоров о музыке. Однако успешное лечение почтенного доктора Сансоне из Анконы мало-помалу снова возвратило гениального музыканта его искусству и друзьям.

На Кларка чтение исторических сочинений производило такое впечатление, что он воображал себя очевидцем и даже действующим лицом давно прошедших исторических событий. Блэк и Баннекер представляли себе действительно существующими фантастические образы, которые они воспроизводили на полотне, и видели их перед собой. Знаменитый профессор П. тоже нередко подвергался подобным иллюзиям и воображал себя то Конфуцием, то Тамерланом.

Шуман, предвестник того направления в музыкальном искусстве, которое известно под названием «музыки будущего», родившись в богатой семье, беспрепятственно мог заниматься своим любимым искусством и в своей жене, Кларе Вик, нашел нежную, вполне достойную его подругу жизни. Несмотря на это, уже на 24-м году он сделался жертвою липемании, а в 46 лет совсем почти лишился рассудка: то его преследовали говорящие столы, обладающие всеведением, то он видел не дававшие ему покоя звуки, которые сначала складывались в аккорды, а затем и в целые музыкальные фразы. Бетховен и Мендельсон из своих могил диктовали ему различные мелодии. В 1854 году Шуман бросился в реку, но его спасли, и он умер в Бонне. Вскрытие обнаружило у него образование остеофитов – утолщений мозговых оболочек и атрофию мозга.

Великий мыслитель Огюст Конт, основатель позитивной философии, в продолжение десяти лет лечился у Эскироля от психического расстройства и затем по выздоровлении без всякой причины прогнал жену, которая своими нежными попечениями спасла ему жизнь. Перед смертью он объявил себя *апостолом и священнослужителем материалистической религии*, хотя раньше сам проповедовал уничтожение всякого духовенства. В сочинениях Конта рядом с поразительно глубокими положениями встречаются чисто безумные мысли, вроде той, например, что настанет время, когда оплодотворение женщины будет совершаться без посредства мужчины.

Хотя Мантегацца и утверждает, что математики не подвержены подобным психозам, но и это мнение ложно. Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить, кроме Ньютона, о котором я буду говорить более подробно, Архимеда, затем страдавшего галлюцинациями Паскаля и специалиста чистой математики чудака Кодацци. Алкоголик, скупой до скряжничества, равнодушный ко всем окружающим, он отказывал в помощи даже своим родителям, когда те чуть не умирали с голоду. В то же время он был до того тщеславен, что, еще будучи молодым, ассигновал известную сумму на сооружение себе надгробного памятника и не позволял оспаривать своих мнений даже насчет покрова платья. Наконец, помешательство Кодацци выразилось в том, что он придумал способ сочинять музыкальные мелодии посредством вычисления.

Все математики преклоняются перед гениальностью геометра Больяи (*Bolyai*), отличавшегося, однако, безумными поступками. Так, например, он вызвал на дуэль 13 молодых людей, состоящих на государственной службе, и в промежутках между поединками развлекался игрою на скрипке, составлявшей единственную подвижность в его доме. Когда ему назначили пенсию, он велел напечатать белыми буквами на черном фоне пригласительные билеты на свои похороны и сделал сам для себя гроб (подобные странности я наблюдал еще у двоих математиков, недавно умерших). Через семь лет он снова напечатал второе приглаше-

ние на свои похороны, считая, вероятно, первое уже недействительным, и в духовном завещании обязал наследников посадить на его могиле яблоню, в память Евы, Париса и Ньютона. И такие штуки проделывал великий математик, исправивший геометрию Евклида!

Кардано, о котором современники говорили, что это умнейший из людей и в то же время глупый, как ребенок, Кардано, первый из смельчаков, решившийся критиковать Галена, исключить огонь из числа стихий и назвать помешанными колдунов и католических святых, этот великий человек был сам душевнобольным всю свою жизнь. Кстати прибавлю, что сын, двоюродный брат и отец его тоже страдали умопомешательством.

Вот как описывает себя он сам: «Заика, хилый, со слабой памятью, без всяких знаний, я с детства страдал гипнофантастическими галлюцинациями». Ему представлялся то петух, говоривший с ним человеческим голосом, то самый тартар, наполненный костями, и все, что бы ни явилось в его воображении, он мог увидеть перед собой, как нечто действительно существующее, реальное. С 19- до 26-летнего возраста Кардано находился под покровительством особого духа, вроде того, что некогда оказывал услуги его отцу, и этот дух не только давал ему советы, но даже открывал будущее. Однако и после 26 лет сверхъестественные силы не оставляли его без содействия: так, однажды, когда он прописал не то лекарство, какое следовало, рецепт, вопреки всем законам тяготения, подпрыгнул на столе и тем предупредил его об ошибке.

Как ипохондрик, Кардано воображал себя страдающим всеми болезнями, о каких только он слышал или читал: сердцебиением, ситофобией¹⁵, опухолью живота, недержанием мочи, подагрой, грыжей и пр.; но все эти болезни проходили без всякого лечения или только вследствие молитв Пресвятой Деве.

Иногда ему казалось, что мясо, которое он употреблял в пищу, пропитано серой или растопленным воском, в другое время он видел перед собою огни, какие-то призраки, – и все это сопровождалось страшными землетрясениями, хотя окружающие не замечали ничего подобного.

Далее Кардано воображал, что его преследуют и за ним шпионят все правительства, что против него ополчился целый сонм врагов, которых он не знал даже по имени и никогда не видел и которые, как он сам говорит, чтобы опозорить и довести его до отчаяния, осудили на смерть даже нежно любимого им сына. Наконец, ему представилось, что профессора университета в Павии отравили его, пригласив специально для этой цели к себе, так что если он остался цел и невредим, то единственно лишь благодаря помощи св. Мартина и Богородицы. И такие вещи высказывал писатель, бывший в теологии смелым предшественником Дюньюи и Ренана!

Кардано сам сознавался, что обладает всеми пороками – склонен к пьянству, к игре, ко лжи, к разврату и зависти. Он говорит также, что раза четыре во время полнолуния замечал в себе признаки полного умопомешательства.

Впечатлительность у него была извращена до такой степени, что он чувствовал себя хорошо только под влиянием какой-нибудь физической боли, так что даже причинял ее себе искусственно, до крови кусая губы или руки. «Если у меня ничего не болело, – пишет он, – я старался вызвать боль ради того приятного ощущения, какое доставляло мне прекращение боли и ради того еще, что, когда я не испытывал физических страданий, нравственные мучения мои делались настолько сильными, что всякая боль казалась мне ничтожной в сравнении с ними». Эти слова вполне объясняют, почему многие сумасшедшие с каким-то наслаждением причиняют себе физические страдания самыми ужасными способами¹⁶.

¹⁵ Боязнь открытых площадей, широких улиц. – *Прим. пер.*

¹⁶ Байрон тоже говорил, что перемежающаяся лихорадка доставляет ему удовольствие вследствие того приятного ощущения, каким сопровождается прекращение пароксизма.

Наконец, Кардано до того слепо верил в пророческие сны, что напечатал даже нелепое сочинение «О сновидениях». Он руководствовался снами в самых важных случаях своей жизни, например при подаче медицинских советов, при заключении своего брака, и, между прочим, под влиянием сновидения писал сочинения, как, например, «О разнообразии вещей» и «О лихорадках»¹⁷.

Будучи импотентным до 34 лет, он во сне снова получил способность к половым отправлениям и во сне же ему была указана его будущая подруга жизни, правда, не особенно хорошая, дочь какого-то разбойника, которой, по его словам, он никогда не видел раньше. Эта безумная вера в сновидения до того овладела Кардано, что он руководствовался ими даже в своей медицинской практике, в чем он сам с гордостью сознавался.

Мы могли бы привести из жизни этого гениального безумца еще множество фактов, то забавных и нелепых, то ужасных и возмутительных, но ограничимся одним, соединяющим в себе все эти качества его, – сновидением, касающимся драгоценного камня (*gemma*).

В мае 1560 года, когда Кардано шел уже 62-й год, сын его был публично признан отравителем. Это несчастье глубоко потрясло бедного старика, и без того не обладавшего душевным спокойствием. Он искренно любил своего сына как отец, доказательством чего служит, между прочим, прелестное стихотворение «На смерть сына», где в такой высокохудожественной форме выражена истинная скорбь, и в «то же время он, как самолюбивый человек, надеялся видеть в сыне те же таланты, какими обладал сам. Кроме того, в этом осуждении, еще более усилившем его сумасбродные идеи липеманьяка, несчастный считал виновными своих воображаемых врагов, составивших против него заговор.

«Подавленный таким горем, – пишет он по этому поводу, – я тщетно искал облегчения в занятиях, в игре и в физических страданиях, кусая свои руки или нанося себе удары по ногам (мы знаем, что он и раньше прибегал к подобному средству для своего успокоения). Я не спал уже третью ночь и наконец, часа за два до рассвета, чувствуя, что я должен или умереть, или сойти с ума, я стал молиться Богу, чтобы Он избавил меня от этой жизни. Тогда, совершенно неожиданно, я заснул и вдруг почувствовал, что ко мне приближается кто-то, скрытый от меня окружающим мраком, и говорит: Что ты сокрушаешься о сыне?.. Возьми камень, висящий у тебя на шее, в рот и, пока ты будешь прикасаться к нему губами, ты не будешь вспоминать сына. Проснувшись, я не поверил, чтобы могла существовать какая-нибудь связь между изумрудом и забвением, но, не зная иного средства облегчить нестерпимые страдания и припомнив священное изречение *Credidit, et reputatum ei est ad justitiam*, я взял в рот изумруд. И что же? Вопреки моим ожиданиям, всякое воспоминание о сыне вдруг исчезло из моей памяти, так что я снова заснул. Затем, в продолжение полутора лет я вынимал свой драгоценный камень изо рта только во время еды и чтения лекций, но тогда ко мне возвращались прежние страдания». Странное лечение это основывалось на игре слов (непереводимой по-русски), так как *gioia* (радость) и *gemme* (драгоценный камень) происходят от одного корня.

Сказать по правде, Кардано в этом случае не нуждался даже в откровении, сделанном ему во время сна, потому что еще раньше, основываясь на этимологии, ложно им понятой, он приписывал драгоценным камням благотворное влияние на людей¹⁸.

¹⁷ «Однажды во сне я услышал прелестнейшую музыку, – говорит он, – я проснулся, и в голове у меня явилось решение вопроса относительно того, почему одни лихорадки имеют смертельный исход, а другие нет, – решение, над которым я тщетно трудился в продолжение 25 лет. Во время сна у меня явилась потребность написать эту книгу, разделенную на 21 часть, и я работал над ней с таким наслаждением, какого никогда прежде не испытывал».

¹⁸ «Драгоценные камни, представляющиеся нам во сне, имеют символическое значение детей, чего-нибудь неожиданного, даже радостного, потому что по-итальянски слово *gioire* (пользоваться), происходящее от *gemme*, означает в то же время и наслаждаться». Страсть к подобной игре слов мы встречаем у всех маньяков.

На закате своей многострадальной жизни Кардано, подобно Руссо и Галлеру, написал свою автобиографию и предсказал день желанной для него смерти. В назначенный день он действительно умер или, может быть, умертвил себя, чтобы доказать безошибочность своего предсказания.

Познакомимся теперь с жизнью Тассо. Для тех, кому неизвестна брошюрка Верга «Липемания Тассо», мы приводим отрывок из его письма, где он говорит о себе: «Я нахожусь постоянно в таком меланхолическом настроении, что все считают меня помешанным, и я сам разделяю это мнение, так как, не будучи в состоянии сдерживать своих тревожных мыслей, я часто и подолгу разговариваю сам с собою. Меня мучат различные наваждения, то человеческие, то дьявольские. Первые – это крики людей, в особенности женщин, и хохот животных, вторые – это звуки песен и пр. Когда я беру в руки книгу и хочу заниматься, в ушах у меня раздаются голоса, причем можно расслышать, что они произносят имя Паоло Фульвии».

В своем сочинении *Messaggero* («Посланник» или «Мессия»), сделавшемся впоследствии для Тассо предметом галлюцинаций, он несколько раз сознавался, что потерял рассудок вследствие злоупотреблений вином и любовью. Поэтому мне кажется, что он изобразил самого себя в *Tirsi dell'Aminta* и в той прелестной октаве, которую любил повторять другой липеманьяк – Руссо:

*Мучимый страхом, сомнением и злобой,
Должен я жить одиноким скитальцем,
Вечно пугаясь с безумной тревогой
Призраков мрачных и грозных видений,
Созданных мной же самим в час недуга.
Солнце напрасно мне будет светить,
В нем я увижу не брата, не друга,
Но лишь помеху терзаньям моим...
В тщетных стараньях уйти от себя,
Вечно останусь с собой я самим.*

Под влиянием галлюцинаций или в припадке бешенства Тассо, схватив однажды нож, бросился с ним на слугу, вошедшего в кабинет тосканского герцога, и был заключен за это в тюрьму. Сообщая об этом факте, посланник, бывший тогда в Тоскане, говорит, что несчастного поэта подвергли заключению скорее с целью вылечить, чем наказать за такой сумасбродный поступок.

После того Тассо постоянно переезжал с места на место, нигде не находя покоя: всюду преследовала его тоска, беспричинные угрызения совести, боязнь быть отравленным и страх перед муками ада, ожидающими его за высказываемые им еретические мнения, в которых он сам обвинял себя в трех письмах, адресованных «слишком кроткому» инквизитору.

«Меня постоянно мучат тяжелые, грустные мысли, – жаловался Тассо врачу Кавалларо, – а также разные фантастические образы и призраки: кроме того, я страдаю еще слабостью памяти, поэтому прошу вас, чтобы к пилюлям, которые вы назначите мне, было прибавлено что-нибудь для ее укрепления». «Со мною случаются припадки бешенства, – писал он Гонзаго, – и меня удивляет, что никто еще не записал, какие вещи я говорю иногда сам с собой, по своему произволу наделяя себя при этом воображаемыми почестями, милостями и любезностями со стороны простых людей, императоров и королей».

Это странное письмо служит доказательством, что мрачные мучительные мысли перемежались у Тассо с забавными и веселыми. К сожалению, первые являлись гораздо чаще, как он прекрасно выразил это в следующем сонете:

*Я устал бороться с толпою теней,
Печальных и мрачных иль светло-прекрасных,
Моей ли фантазии жалких детей,
Иль вправду врагов мне опасных?
Найду ли я сил победить их один,
Беспомощный, слабый отшельник, —
Не знаю, но страх надо мной властелин,
Не он ли и есть мой волшебник...*

В последних строках заметно сомнение в действительности вызванных бредом галлюцинаций, что служит доказательством, как упорно боролся этот мощный, привыкший к логическому мышлению ум с болезненными, нелепыми представлениями. Но увы! Такие сомнения являлись слишком редко.

Через несколько времени Тассо писал Каттанео: «Упражнения нужнее теперь для меня, чем лекарство, потому что болезнь моя *сверхъестественного происхождения*. Скажу несколько слов о домовом: этот негодяй часто ворует у меня деньги, производит полнейший беспорядок в моих книгах, открывает ящики и таскает ключи, так что, уберечься от него нет никакой возможности. Я мучусь постоянно, в особенности *по ночам* и знаю, что страдания мои обуславливаются *помешательством (frenesia)*». В другом письме он говорит: «Когда я не сплю, мне кажется, что передо мной мелькают в воздухе яркие огни, и глаза у меня бывают иногда до того воспалены, что я боюсь потерять зрение; в другое время я слышу страшный грохот, свист, дребезг, звон колоколов и такой неприятный шум, как будто от боя нескольких стенных часов. А во сне я вижу, что на меня бросается лошадь и опрокидывает на землю или что я весь покрыт нечистыми животными. После этого все члены у меня болят, голова делается тяжелой, но вдруг посреди таких страданий и ужасов передо мною появляется образ Святой Девы, юной и прекрасной, держащей на руках своего сына, увенчанного радужным сиянием». По выходе из больницы он рассказывал тому же Каттанео, что «домовой» распространяет письма, в которых сообщаются сведения о нем, Тассо. «Я считаю это, — говорил он, — одним из тех чудес, какие нередко бывали со мной и в больнице: без сомнения, это дело какого-нибудь волшебника, на что у меня есть немало доказательств, и в особенности тот факт, что однажды, в три часа, у меня на глазах исчез куда-то мой хлеб». Когда Тассо захворал горячкой, его излечила Богородица своим появлением, и в благодарность ей за это он написал сонет, напоминавший собою *Messaggero*. Дух являлся несчастному поэту в такой осязательной форме, что он говорил с ним и чуть только не прикасался к нему руками. Этот дух вызывал в нем идеи, раньше, по его словам, не приходившие ему в голову.

Свифт, отец иронии и юмора, уже в своей молодости предсказал, что его ожидает помешательство; гуляя однажды по саду с Юнгом, он увидел вяз, на вершине своей почти лишенный листы, и сказал: «Я точно так же начну умирать с головы». До крайности гордый с высшими, Свифт охотно посещал самые грязные кабаки и там проводил время в обществе картежников. Будучи священником, он писал книги антирелигиозного содержания, так что о нем говорили, что, прежде чем дать ему сан епископа, его следует снова окрестить. Слабый, глухой, бессильный, неблагодарный относительно друзей — так охарактеризовал он сам себя. Непоследовательность в нем была удивительная: он приходил в страшное отчаяние по поводу смерти своей нежно любимой Стеллы и в то же самое время сочинял комические письма «О слугах». Через несколько месяцев после этого он лишился памяти, и у него остался только прежний резкий, острый как бритва язык. Потом он впал в мизантропию и целый год провел один, никого не видя, ни с кем не разговаривая и ничего не читая; по десяти часов в день ходил по своей комнате, ел всегда стоя, отказывался от мяса и бесился,

когда кто-нибудь входил к нему в комнату. Однако после появления у него чирьев (вереда) он стал как будто поправляться и часто говорил о себе: «*Я сумасшедший*», но этот светлый промежуток продолжался недолго, и бедный Свифт снова впал в бессмысленное состояние, хотя проблески иронии, сохранившейся в нем даже и после потери рассудка, еще вспыхивали порою; так, когда в 1745 году устроена была в честь его иллюминация, он прервал свое продолжительное молчание словами: «Пусть бы эти сумасшедшие хотя не сводили других с ума».

В 1745 году Свифт умер в полном расстройстве умственных способностей. После него осталось написанное задолго перед этим завещание, в котором он отказал 11 000 фунтов стерлингов в пользу душевнобольных. Сочиненная им тогда же для себя эпитафия служит выражением ужасных нравственных страданий, мучивших его постоянно: «*Здесь лежит Свифт, сердце которого уже не надывается больше от гордого презрения*».

Ньютон, покоровший своим умом все человечество, как справедливо писали о нем современники, в старости тоже страдал настоящим психическим расстройством, хотя и не настолько сильным, как предыдущие гениальные люди. Тогда-то он и написал, вероятно, «Хронологию», «Апокалипсис» и «Письмо к Бентлею», сочинения туманные, запутанные и совершенно не похожие на то, что было написано им в молодые годы.

В 1693 году, после второго пожара в его доме и после непомерно усиленных занятий, Ньютон в присутствии архиепископа начал высказывать такие странные, нелепые суждения, что друзья нашли нужным увезти его и окружить самым заботливым уходом. В это время Ньютон, бывший прежде до того робким, что даже в экипаже ездил не иначе, как держась за ручки дверец, затеял дуэль с Вилларом, желавшим драться непременно в Севеннах. Немного спустя он написал два приводимых ниже письма, сбивчивый и запутанный слог которых вполне доказывает, что знаменитый ученый совсем еще не оправился от овладевшей им мании преследования, которая действительно развилась у него снова несколько лет спустя. Так, в письме к Локку он говорит: «Предположив, что вы хотите запутать (*embrace*) меня при помощи женщин и других соблазнов, и заметив, что вы чувствуете себя дурно, я начал ожидать (желать) вашей смерти. Прошу у вас извинения в этом, а также в том, что я признал безнравственными как ваше сочинение «Об идеях», так и те, которые вы издадите впоследствии. Я считал вас последователем Гоббса. Прошу вас извинить меня за то, что я думал и говорил, будто вы хотели продать мне место и запутать меня. Ваш злополучный Ньютон». Несколько определеннее он говорит о себе в письме к Пепи: «С приближением зимы все привычки мои перепутались, затем болезнь довела эту путаницу до того, что в продолжение двух недель я не спал ни одного часа, а в течение последних *пяти* дней даже ни одной *секунды* (какая математическая точность). Я помню, что писал вам, но не знаю, что именно; если вы пришлете мне письмо, то я вам объясню его».

Ньютон находился в это время в таком состоянии, что, когда у него спрашивали разъяснения по поводу какого-нибудь места в его сочинениях, он отвечал: «Обратитесь к Муавру — он смыслит в этом больше меня».

Кто, не бывши ни разу в больнице для умалишенных, пожелал бы составить себе верное представление о душевных муках, испытываемых липеманьяком, тому следует только прочесть сочинения Руссо, в особенности последние из них — «Исповедь», «Диалоги» и «Прогулки одинокого мечтателя» (*Rêveries*). «Я обладаю жгучими страстями, — пишет Руссо в своей «Исповеди», — и под влиянием их забываю о всех отношениях, даже о любви: вижу перед собою только предмет своих желаний, но это продолжается лишь одну минуту, вслед за которой я снова впадаю в апатию, в изнеможение. Какая-нибудь картина соблазняет меня больше, чем деньги, на которые я мог бы купить ее! Я вижу вещь... она мне нравится; у меня есть и средства приобрести ее, но нет, это не удовлетворяет меня. Кроме того, когда мне нравится какая-нибудь вещь, я предпочитаю взять ее сам, а не просить, чтобы мне ее пода-

рили». В том-то и состоит различие между kleptomаном¹⁹ и обыкновенным вором, что первый крадет по инстинкту, в силу потребности, второй – по расчету, ради приобретения: первого прельщает всякая понравившаяся ему вещь, второго же – только вещь ценная. «Будучи рабом своих чувств, – продолжает он, – я никогда не мог противостоять им; самое ничтожное удовольствие в настоящем больше соблазняет меня, чем все утехы рая».

И действительно, ради удовольствия присутствовать на братском пиршестве (отца Понтьера) Руссо сделался вероотступником, а вследствие своей трусости без сострадания покинул на дороге своего приятеля-эпилептика.

Исаак Ньютон (1643–1727)

---

¹⁹ Клептомания – болезненная страсть к воровству. – *Прим. пер.*

Однако не одни страсти его отличаются болезненной пылкостью – самые умственные способности были у него с детства и до старости в ненормальном состоянии, доказательства чего мы тоже встречаем в «Исповеди», как, например: «Воображение разыгрывается у меня тем сильнее, чем хуже мое здоровье. Голова моя так устроена, что я не умею находить прелесть в действительно существующих хороших вещах, а только в воображаемых. Чтобы я красиво описал весну, мне необходимо, чтобы на дворе была зима».

Отсюда становится понятным, почему Свифт, тоже помешанный, писал самые веселые из своих писем во время предсмертной агонии Стеллы и почему как он, так и Руссо с таким мастерством изображали все нелепое.

«Реальные страдания оказывают на меня мало влияния, – продолжает Руссо, – гораздо сильнее мучусь я теми, которые придумываю себе сам: ожидаемое несчастье для меня страшнее уже испытываемого». Не потому ли некоторые из боязни смерти лишают себя жизни? Стоило Руссо прочесть какую-нибудь медицинскую книгу – и ему тотчас же представлялось, что у него все болезни, в ней описанные, причем он изумлялся, как он остается жив, страдая такими недугами. Между прочим, он воображал, что у него полип в сердце. По его собственному объяснению, такие странности являлись у него вследствие преувеличенной, ненормальной чувствительности, не имевшей правильного исхода. «Бывает время, – говорит он, – когда я так мало похож на самого себя, что меня можно счесть совершенно иным человеком. В спокойном состоянии я чрезвычайно робок, идеи возникают у меня в голове медленно, тяжело, смутно, только при известном возбуждении; я застенчив и не умею связать двух слов; под влиянием страсти, напротив, я вдруг делаюсь красноречивым. Самые нелепые, безумные, ребяческие планы очаровывают, пленяют меня и кажутся мне удобоисполнимыми. Так, например, когда мне было 18 лет, я отправился с товарищем путешествовать, захватив с собою фонтанчик из бронзы, и был уверен, что, показывая его крестьянам, мы не только прокормимся, но даже разбогатеем».

Несчастный Руссо перепробовал почти все профессии, от высших до самых низших, и не остановился ни на одной из них: он был и вероотступником (рenegатом) из-за денег, и часовщиком, и фокусником, и учителем музыки, и живописцем, и гравером, и лакеем, и, наконец, чем-то вроде секретаря при посольстве. Точно так же в литературе и в науке он брался за все отрасли, занимаясь то медициной, то теорией музыки, то ботаникой, теологией и педагогией.

Злоупотребление умственным трудом (особенно вредное для мыслителя, идеи которого развивались туго и с трудом), а также все увеличивающееся самолюбие сделали мало-помалу из ипохондрика меланхолика и наконец – настоящего маньяка. «Волнение и злоба потрясли меня до такой степени, – говорит он, – что я в течение *десяти лет страдал бешенством* и успокоился только теперь». Успокоился! Когда хроническое умственное расстройство не позволяло ему, даже на короткий срок, найти границу между действительными страданиями и воображаемыми.

Ради отдохновения он покинул большой свет, где всегда чувствовал себя неловко, и удалился в уединенную местность, в деревню: но и там городская жизнь не давала ему покоя: болезненное тщеславие и отголоски светского шума омрачали для него красоту природы. Тщетно Руссо старался убежать в леса – безумие следовало туда за ним и настигало его всюду. Таким образом, Руссо являлся как бы олицетворением того образа, который создал Тассо в своей октаве:

*...и скрыться от себя стараясь,
Всегда останусь я с самим собой.*

Вероятно, он и намекал на это стихотворение, когда уверял Корансе (*Corancez*), что считает Тассо своим пророком. Потом несчастный автор «Эмиля» начал воображать, что Пруссия, Англия, Франция, короли, женщины, духовенство, вообще весь род людской, оскорбленный некоторыми местами его сочинений, объявили ему ожесточенную войну, последствиями которой и объясняются испытываемые им душевные страдания. «В своей утонченной жестокости, – пишет он, – враги мой забыли только соблюдать постепенность в причиняемых мне мучениях, чтобы я мог понемногу привыкнуть к ним».

Самое большое проявление злобы этих коварных мучителей Руссо видит в том, что они осыпают его похвалами и благодеяниями. По его мнению, «им удалось даже подкупить продавцов зелени, чтобы они отдавали ему свой товар дешевле и лучшего качества, – наверное, враги сделали это с целью показать его низость и свою доброту».

По приезде Руссо в Лондон его меланхолия перешла в настоящую манию. Вообразив, что Шуазель разыскивает его с намерением арестовать, он бросил в гостинице деньги, вещи и бежал на берег моря, где платил за свое содержание кусками серебряных ложек. Так как ему не удалось тотчас же уехать из Англии по случаю противного ветра, то он и это приписал влиянию заговора против него. Тогда, в сильнейшем раздражении, он с вершины холма произнес на плохом английском языке речь, обращенную к сумасшедшей Вартон, которая слушала его с изумлением и, как ему казалось, с умилением.

Но и по возвращении во Францию Руссо не избавился от своих невидимых врагов, шпионивших за ним и объяснявших в дурную сторону каждое его движение. «Если я читаю газету, – жалуется он, – то говорят, что я замышляю заговор, если понюхаю розу – подозревают, что я занимаюсь исследованием ядов с целью отравить моих преследователей». Все ставится ему в вину, а чтобы лучше наблюдать за ним, у двери его дома помещают продавца картин, устраивают так, что эта дверь не запирается, и пускают в дом его посетителей только тогда, как успеют возбудить в них ненависть к нему. Враги восстанавливают против него содержателя кафе, парикмахера, хозяина гостиницы и пр. Когда Руссо желает, чтобы ему почистили башмаки, у мальчика, исполняющего эту обязанность, не оказывается ваксы; когда он хочет переехать через Сену – у перевозчиков нет лодки. Наконец, он просит, чтобы его заключили в тюрьму, но... даже в этом встречает отказ. С целью отнять последнее оружие – печатное слово – враги арестуют и сажают в Бастилию издателя, *совершенно ему незнакомого*.

Жан-Жак Руссо (1712–1778)

«Обычай сжигать во время поста соломенное чучело, изображавшее того или другого еретика, был уничтожен – его снова восстановили, конечно, для того, чтобы сжечь мое изображение; и в самом деле, надетое на чучело платье походило на то, что я ношу обыкновенно».

В деревне Руссо встретил раз улыбающегося, ласкового мальчика; но, повернувшись, чтобы в свою очередь приласкать его, он вдруг увидел перед собою взрослого мужчину и по его *печальной* физиономии (обратите внимание на этот странный эпитет) узнал в нем одного из приставленных к нему врагами шпионов.

Под влиянием мании, считая себя гонимым, он написал *«Диалоги: Руссо судит Жан Жака»*, где, с целью смягчить несметное множество преследующих его врагов, подробно и тщательно изобразил свои галлюцинации. Чтобы распространить в публике это оправдательное сочинение, несчастный безумец начал раздавать экземпляры его на улице всем прохожим, судя по *лицу* которых можно было думать, что они *не находятся под влиянием* не дающих ему покоя недругов.

В этом сочинении он обращается ко всем французам, *поклонникам справедливости*, но – странное дело! – несмотря на такой лестный эпитет, а может быть, именно благодаря ему не нашлось ни одного человека, который принял бы эту брошюрку с удовольствием; напротив, многие отказывались взять ее! Убедившись тогда, что ему нечего ждать на земле от людей, Руссо, подобно Паскалю, обратился с письмом, очень нежно и фамильярно написанным, к самому Богу, а чтобы оно вернее достигло своего назначения и принесло ожидаемую пользу, положил его и рукопись «Диалогов» под алтарь церкви Богоматери в Париже, как будто, по представлению этого маньяка, Создатель вселенной, отвлеченное, вездесущее Божество, только и может находиться под сводами парижского собора.

На основании всех этих фактов нельзя не признать справедливым мнение Вольтера и Корансе, что Руссо «был сумасшедший и сам всегда сознавался в этом». К тому же из многих мест «Исповеди», а также из писем Грима видно, что у Руссо, кроме других болезней, был еще паралич мочевого пузыря и сперматорея (непроизвольное истечение семени), что, по всей вероятности, обуславливалось поражением спинного мозга и должно было, без сомнения, усиливать припадки меланхолии.

Вся жизнь величайшего из современных лирических поэтов, Ленау, недавно скончавшегося в Доблинговой больнице для умалишенных, представляет с самого раннего детства смесь гениальности и сумасшествия. Отец его был знатный барин, гордый и порочный, а мать – до крайности впечатлительная особа, страдавшая меланхолией и зараженная аскетизмом. Ленау с детства обнаруживал меланхолическое настроение, склонность к мистицизму и любовь к музыке. Этой последней он занимался всего охотнее, хотя изучал также медицину, юриспруденцию и сельское хозяйство. В 1831 году Кернер заметил, что настроение его почти постоянно было печальное, меланхолическое и что он проводит целые ночи один в саду, играя на своем любимом инструменте. Через несколько времени Ленау писал своей сестре: «Я чувствую, что приближаюсь к своей гибели: демон безумия овладел моим сердцем, я – сумасшедший; говорю тебе это, сестра, зная, что ты все-таки по-прежнему будешь любить меня».

Этот демон скоро принудил его оставить Германию и отправиться, почти без всякой цели, в Америку. По возвращении оттуда он был встречен на родине празднествами и всеобщим восторгом, но, по его словам, «ипохондрия глубоко запустила свои зубы в его сердце и ничто не могло его развеселить». Вскоре это бедное сердце начало страдать и физически: у Ленау сделался перикардит (воспаление сердечной оболочки), от которого он потом уже не мог вылечиться. С тех пор несчастный страдалец лишился своего лучшего друга – сна, этого единственного избавителя от невыносимых страданий, и по целым ночам мучился страшными видениями. «Можно подумать, – объясняет он свое состояние образами, как это делают все помешанные, – можно подумать, что дьявол устраивает охоту у меня в животе: я слышу там постоянный лай собак и зловещий адский шум. Без шуток – есть от чего прийти в отчаяние!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.